

Н. Л. Абрамович

**ВОСПОМИНАНИЯ
И
ВЗГЛЯДЫ**

КНИГА ПЕРВАЯ

ВОСПОМИНАНИЯ

Воспоминания и взгляды

Исай Абрамович

Книга воспоминаний

Абрамович И. Л.

Книга воспоминаний / И. Л. Абрамович — — (Воспоминания и взгляды)

Исай Львович Абрамович был участником гражданской войны, Троцкистской оппозиции, Великой Отечественной Войны, 2 раза сидел при Сталине, много работал и вообще был интересным человеком. После выхода из лагеря в 1955 году он был диссидентом, но при этом всегда с более или менее коммунистических позиций. Умер в 1985 году, оставив книгу воспоминаний.

Содержание

1. Детские годы	5
2. Февральская и Октябрьская революции	11
3. Переворот на Дальнем Востоке	13
4. На Хабаровском фронте	17
5. На подпольную работу во Владивосток	20
6. На учебу – в Москву	27
7. Внутрипартийные разногласия	31
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Исай Львович Абрамович

Книга воспоминаний

1. Детские годы

Мой отец, Лейб Абрамович, родился в 1845 году, в Херсонской губернии, Николаевском уезде, в местечке Павливка.

Его отец, мой дед, имел фамилию Иммельфарб. Но отец и его младший брат Нафталия не захотели служить в царской армии и, когда приблизился срок их призыва, подделали свои паспорта: изменили в них фамилию и год рождения. Так за моим отцом утвердилась фамилия Абрамович, а за дядей – Герц. Суд приговорил их за это на вечное поселение в Иркутскую губернию, в село Пашенное Верхоленского уезда. По прошествии какого-то времени он как портной-ремесленник получил, однако, право на жительство в Иркутске, куда и переехал с семьей.

Другой мой дед, отец матери – Ханы Абрамовны – был гомельским купцом. Как старший сын и наследник отца, не пожелавшего делить капитал, он должен был унаследовать все состояние. Братья, недовольные этим решением, обвинили его в каких-то нарушениях закона – и суд приговорил его к ссылке на вечное поселение в то же сибирское село, куда был сослан мой отец. Маме тогда было восемь лет. А когда ей исполнилось пятнадцать, ее выдали замуж за моего, тогда уже сорокалетнего отца. По ее рассказам, она была тогда еще совсем ребенком, в куклы играла. А отец выдал ее замуж за пожилого ревнивого человека крутого нрава, который часто бил ее. Прожила она с ним двадцать лет. Умер он от скоротечной чахотки, нажитой от 12-15-часовой ежедневной работы.

Мать осталась вдовой с четырьмя сыновьями. Старшему, Давиду, было тогда пятнадцать лет, Григорию – десять, Натану – семь и мне – пять. Собственно, детей за двадцать лет своего брака мать родила четырнадцать – тринадцать сыновей и одну дочь, но многие из них либо родились мертвыми, либо умирали от болезней. Скарлатиной, например, одновременно болело нас шесть братьев. Четверо умерли.

Я родился в 1900 году, 1 апреля по старому стилю. Мать полезла в подпол за продуктами, споткнулась, упала, и у нее начались преждевременные роды. Она послала старшего сына Давида сообщить об этом отцу, который работал в портняжной мастерской Шнайдера. Мальчик пробежал, запыхавшись, километра полтора от нашего дома до мастерской и попросил одного из подмастерьев передать отцу, что у матери начались роды. Зная, что по расчетам рожать ей еще рано, отец сначала не поверил, считая, что это – первоапрельская шутка.

Но это была не шутка, сын у него действительно родился и доставил много хлопот своей матери. Недоношенного, болезненного, меня держали в вате, главным образом на русской печи. Ухаживали за мной мать и единственная моя сестра Сара, старшая из детей, которой в ту пору было пятнадцать лет. Спала она около печи на полу, но молодой сон крепок, и как-то отец проснулся от моего крика раньше, чем Сара, и разбудил ее ударом ноги в живот. Удар был настолько силен, что сестра вскоре умерла. Так я стал невольным виновником гибели своей единственной сестры. Мать любила ее больше всех, и она единственная из детей помогала матери.

Отец был необузданно вспыльчив, и даже гибель сестры не могла укротить его. Я сам не помню, но мне рассказывали, какой погром учинил он однажды на нашей улице.

На этой улице Подгорной были расположены все публичные дома города Иркутска. Это очень беспокоило моего отца, у которого росли сыновья. А проститутки любили зазывать к себе маленьких детей, играть с ними, угощать их сладостями: видно, им хотелось излить на них

нерастраченную материнскую нежность. И вот однажды отец нашел пятилетнего Гришу мирно заснувшим в публичном доме. Взбесившись, отец, вытащив сына, стал бросать в окна публичного дома кирпичи и громогласно, на всю улицу, ругаться на еврейском и русском языках.

Мне было пять лет, когда умер отец. 1905 год запомнился мне двумя событиями, причем оба были связаны с похоронами. Должен признаться, что не столько смерть отца врезалась в детскую память, сколько тот факт, что мой дядя Нафтул, не желая брать на кладбище двух малышей, подарил мне и моему брату Натану по серебряному рублю, чтобы мы не рвались на кладбище.

Мы, маленькие, мало понимали в семейных взаимоотношениях. Но и старший мой брат Давид, которому уже исполнилось пятнадцать лет, проявил полное равнодушие к смерти отца. Слишком часто он не только испытывал на себе тяжелую руку отца, но и был свидетелем того, как тот избивал мать. Однажды, когда отец, придя с работы усталый, в присутствии Давида ударил мать, сын вступился за нее. Тогда отец выгнал Давида в нижнем белье в сени (дело было сибирской зимой) и запер дверь. Мать плакала, несколько раз делала попытки открыть дверь и впустить Давида, но отец был неумолим. Только когда он заснул, матери удалось тайком впустить сына в квартиру. После этого Давид заболел воспалением легких.

Второе яркое воспоминание о 1905 годе – впечатление о демонстрации по поводу похорон братьев Винер.

Братья Винер, члены партии социалистов-революционеров, стали во главе дружины еврейской самообороны от готовившегося погрома. В дружину входили не только евреи, но и русская революционная молодежь. О подготовке погрома узнали от нескольких еврейских богачей-золотопромышленников, имевших личные связи с властью имущими, предупредившими своих друзей. Золотопромышленники выделили некоторые средства на приобретение оружия, а Винеры сформировали организацию самообороны и обучили членов дружины стрелять из пистолетов.

Когда толпа погромщиков, вооруженных пистолетами, топорами и ломом, двинулась к домам, где жили евреи, их встретил вооруженный отряд дружинников. Завязался бой – и на каждого убитого дружинника пришлось несколько убитых погромщиков. Увидев такой поворот дела, городские власти прислали полицию, которая прекратила столкновение.

Во время этого боя и погибли оба брата Винеры, похороны которых вылились в многолюдную демонстрацию. Мы, мальчишки, конечно, бежали за демонстрацией, и мне на всю жизнь запомнилось: множество людей, идущих мерным шагом по мостовой, красные знамена над ними и пение незнакомых песен. Это были революционные песни: в демонстрации приняли участие все революционные партии.

...Матери было тяжело справляться с четырьмя сыновьями. К тому же старший, Давид, и следующий за ним одиннадцатилетний Гриша явно не ладили между собой. Строптивый Гриша не хотел учиться, часто убегал в публичные дома, куда проститутки приманивали его подарками и сладостями. Мать страшно боялась, что он свихнется. Давид часто колотил его, но это только озлобляло мальчика. Однажды, забравшись на крышу, он дождался, пока Давид вернулся домой, стал бросать в него кирпичами и ранил его в плечо.

Мать не знала что делать. По совету дяди Нафтула она написала младшим братьям отца, жившим в местечке Павлинка, и попросила их взять на воспитание Гришу. Вскоре пришел ответ с согласием. Грише купили железнодорожный билет, нашли попутчика, и мама поехала с ним на вокзал. И тут ей стало жаль сына, и она предложила ему вернуться домой.

Черт с ним, с билетом и с деньгами, – сказала она, махнув рукой.

Но Гриша, гордый тем, что едет так далеко один, в новую, неизвестную жизнь, отказался выйти из вагона.

Из событий моего детства мне хорошо запомнилось мое с Натаном участие в подпольной работе, а также обыск и арест Давида на нашей квартире. Мне было тогда 8, а Натану – 10

лет. Мы жили на Арсенальской улице, рядом с каланчой. Я учился в начальной школе. Давид, которому тогда было уже 18 лет, состоял в социал-демократической партии и участвовал в подпольной работе. Для расклейки листовок он использовал меня с Натаном. Вечерами он, тайком от матери, брал меня и Натана и уводил нас в темные улицы города, где жила иркутская беднота. Мы брали с собой банку клея, кисть и 50–60 листовок. Один из нас нес банку, кисть и клей, другой – листовки. Первый быстро обмакивал кисть в клей намазывал его на забор или стену, второй приклеивал на клей листовку и проводил по ней тряпкой. Сзади шел Давид и всматривался, не идет ли кто навстречу или обгоняет нас: тогда он давал условленный сигнал, и мы прятали все наше оборудование.

Так повторялось много раз, пока не арестовали Давида.

Мы жили в однокомнатной квартире с кухней. Мама и Давид спали на железных койках, а мы с Натаном – на полу, под одним одеялом.

Однажды поздно вечером к нам в квартиру постучали. Мать открыла двери. На пороге стояли жандармы. Ротмистр предъявил ордер на обыск и арест Давида. Жандармы начали перебирать вещи, особенно бумаги и книги. Обыск длился недолго – вещей у нас было мало, – и жандармы ничего не нашли. Но Давида они с собой забрали и оставили нас с мамой в смутении.

Мы с Натаном к тому времени уже кой что понимали. Конечно, о своей «подпольной работе» мы ничего не говорили маме, но у брата спросили, что это за бумаги мы наклеиваем тайком. Давид объяснил нам, кто такие царь, жандармы, полиция, помещики, почему враждуют между собой капиталисты и рабочие. После этих объяснений мы с еще большим рвением расклеивали листовки. Разумеется, и таинственность, и опасность дела тешили наши детские сердца. Расклеивали листовки мы много раз, но ни разу не попались. Иногда утром мы с Натаном тайком не только от мамы, но и от Давида, ходили смотреть, висят ли наши листовки, читали их – и очень гордились своими делами.

Давида продержали недолго, месяц с небольшим – и выпустили за недоказанностью обвинения.

Давид был единственной опорой матери и, по существу, содержал всю семью. Окончив высшее начальное училище, он давал уроки. Ходил он для этого из одного конца города в другой – и одновременно готовился сдавать экстерном за гимназию. Зарабатывал Давид рублей 20–25 в месяц. Это и был бюджет нашей семьи, к которому добавлялись небольшие заработки мамы: она покупала старое платье, ремонтировала или перешивала его, а затем продавала на барахолке.

В 1909 году Давид стал репетитором Иосифа Уткина, будущего советского поэта. Его родители за уроки предоставили брату отдельную комнату с полным пансионом.

Несмотря на то, что брат стал жить отдельно, он продолжал помогать маме и заботиться о семье. Часто он давал нам с Натаном деньги и посылал за покупками для дома – покупать муку, рыбу, сахар, растительное масло, крупы и прочее. Помню, как мы Натаном покупали рыбу: она в те годы была в Иркутске самым доступным для бедняков продуктом. Мы брали большой мешок, шли на рыбный рынок и ходили меж рядов, прицениваясь. Конечно, омуль, муксун, таймень, хариус, сиг были нам не по карману, но окунь, щука, сазан, карась, линь, налим стоили дешево. На рубль можно было купить целый мешок – до двух пудов, если сумеешь как следует наложить. Мама учила нас брать рыбу не слишком крупную и не слишком мелкую – средняя рыба, говорила она, лучше укладывается, и ее входит в мешок больше. Мы строго следовали маминим советам, накладывали в мешок не меньше двух пудов и с трудом тащили его домой, я – взявшись за один, а Натан – за другой конец.

Муку покупали крупчатку, расфасованную в полотняные мешки по 40 фунтов (до сих пор запомнился штамп на белом полотне: «Мука Велицкого»). В квартирах везде были русские печи, и хлеб мама пекла сама. Такого хлеба, как мамин, пышного, пахучего и вкусного, я уже не ел никогда. Была она большой мастерицей и печь пироги с рыбой и рисом (в будни – со

щукой, в праздники с тайменем), и особенно – пирожки с мясом, оставшиеся нашим любимым блюдом. Когда у мамы собирались ее уже взрослые сыновья, она прежде всего угощала нас нашими любимыми пирожками.

Но в детстве это бывало редко. Мяса мы тогда ели мало: оно стоило относительно дорого.

Летом мы с Натаном собирали грибы и ягоды, которых под Иркутском было очень много. Обильно росли там смородина, земляника, лесная клубника, брусника, черника, голубика, облепиха и черемуха. Мама солила, сушила и жарила грибы, мочила бруснику, варила кисели и варенье, но большую часть ягод мы съедали свежими. Собирали мы и кедровые орешки, но для этого приходилось ходить километров 20–25 от Иркутска. Кедровые орешки были большое лакомство. Мы калили их на железной печурке, постоянно топившейся в нашей квартире (русскую печь, требовавшую много дров, топили только тогда, когда мама пекла хлеб).

Часто я оставался в квартире один. Мама уходила на барахолку, Давид был занят допоздна на уроках, Натан убежал с соседскими мальчишками на улицу. Я сидел у печурки, подкладывал в нее дрова и ждал маму, чтобы она, быстро согревшись, приготовила какую-нибудь еду.

Тяжела была вдовья жизнь мамы с малыми детьми. Но и радости у нее были: все сыновья росли трудолюбивыми, честными и любящими. Бывали, конечно, и у нас проступки и шалости, но все мы уважали и любили маму и всячески старались облегчить ей жизнь.

Особенно тяжело стало маме после того, как Давида отправили в ссылку на три года. Тогда-то мама решила выйти замуж. Предложил ей брак овдовевший Промысловский, жена которого умерла родами. У него была обувная лавка на барахолке и собственная обувная мастерская, где работало четверо подмастерьев. Мама колебалась, боясь дать нам отчима, но после ареста единственного кормильца Давида решилась. Она брала на себя тяжелую ношу: у отчима тоже было трое детей – дочь 16-ти лет и два сына – двухлетний Абраша и трехмесячный Матвей. Отчим со старшей дочерью были целый день в лавке, а мать оставалась дома, присматривала за мастерской, готовила на всех пищу, мыла полы, обшивала и обстирывала всех детей.

Мы переехали в четырехкомнатную квартиру. В самой большой комнате, вход в которую был с улицы, расположилась мастерская, в другой – мама с отчимом, в третьей – дети отчима и в четвертой, совсем маленькой, – мы с Натаном. К тому времени Натану было 12, а мне 10 лет. Теперь мы тоже спали на железных койках с матрацами.

Отношения в семье были ровными, хорошими: и отчим к нам, и мама к его детям относились хорошо. Я учился тогда в первом классе высшего начального училища. Натан учиться не захотел, пошел учеником в мастерскую отчима, быстро овладел специальностью и стал работать самостоятельно.

Наша квартира находилась вблизи Первого общественного собрания (ныне филармония), в котором всю зиму 1910/1911 года размещалась опера. Мастерская отчима шила театральную обувь по заказам, и к нам часто заходили артисты и администраторы оперы. Они разрешили нам с Натаном бесплатно посещать спектакли, пускали нас и на репетиции. Там мы услышали многих известных тогда певцов (например, тенора Секар-Рожанского и других). Постепенно мы стали нештатными статистами: когда по ходу спектакля требовалось участие мальчиков, нас выпускали на сцену. Мы по несколько раз пересмотрели и переслушали все оперы – и это навсегда определило наше отношение к оперному искусству.

За эти предвоенные годы наибольшее впечатление на всю нашу семью произвел суд над Бейлисом в 1913 году. Меня больше всего поразило сам факт обвинения евреев в употреблении крови христианских мальчиков для приготовления мацы.

Отчим и мать были неграмотны. Газеты с отчетами о ходе судебного процесса в Киеве читал им я. Ежедневно я покупал газету «Русское слово» и, усевшись на сапожный стульчик, принимался за чтение.

Процесс Бейлиса взволновал не только евреев, но и всю передовую русскую и мировую общественность. Это относилось и к Иркутску, в котором было много ссыльных революционеров и передовой молодежи.

Известно, что попытка царского правительства путем фальсифицированного дела Бейлиса направить гнев русского народа против евреев была сорвана дружным отпором русского и мирового общественного мнения. На защиту Бейлиса выступил Владимир Короленко, лучшие представители русской адвокатуры, все революционные партии и вся прогрессивная интеллигенция России. Бейлиса пришлось оправдать, хотя от прямого ответа на вопрос о ритуальном употреблении евреями крови присяжные все же уклонились.

Нечто подобное, на слегка модернизированной основе, задумал в 1952 году осуществить Сталин, затеявший процесс над врачами-евреями. К позору страны, называвшей себя социалистической, никакого отпора ни от партии, ни от русской интеллигенции этот черный замысел не получил. Спасло врачей от расстрела, а всех евреев – от лагерных барачков не вмешательство общественного мнения, спасла их счастливая случайность – смерть Сталина.

...Возвращаюсь к своей биографии. В 1912 году вернулся домой мой старший брат Гриша.

Мать сидела у окна за швейной машинкой и, как обычно, что-то шила. Взглянув в окно, она увидела на противоположной стороне улицы упорно наблюдавшего за ней молодого парня. Она присмотрелась к нему, вскрикнула «Гриша!» и бросилась на улицу. Мы все выбежали за ней. Гриша обнял плачущую маму, поцеловал нас с Натаном, и мы пошли домой.

Григорию было всего 17 лет, но выглядел он взрослым мужчиной: высокий, широкий в плечах, уверенный в себе. Жилось ему все эти годы тяжело. С дядей и двоюродными братьями в Павливке он не ужился, сбежал от них в Одессу к другому дяде, тоже портному. Там его, по его рассказам, тоже били и плохо кормили. Он сбежал и оттуда и устроился сам учеником к одному из лучших портных в Одессе. Конечно, сначала он, как и все ученики, был на побегушках, но постепенно овладел профессией, стал квалифицированным портным и хорошо зарабатывал. Маме он о своих злоключениях не писал.

В Иркутске Гриша жил с нами и работал в портняжной мастерской Любовича. В 1915 году его мобилизовали и направили в 12-й сибирский запасный стрелковый полк. Полк стоял в Иркутске, я часто бывал у брата в казармах и видел, как тяжело переносил он солдатскую службу. Она осложнялась еще тем, что командир полка, полковник Михайловский, зверски обращался с солдатами. Человек огромной физической силы и крутого нрава, он за малейшую провинность вытаскивал провинившегося из строя и собственноручно избивал его.

Через три месяца после призыва Гришу за какую-то вину отправили на фронт. Он попал на Барановичское направление, трижды был ранен и награжден двумя Георгиевскими крестами. В 1917 году после тяжелого ранения его демобилизовали. Он приехал домой и снова стал работать портным.

Давид, отбыв срок ссылки, выдержал экзамен на аттестат зрелости. От службы в армии он был освобожден по зрению, но права на жительство в Иркутске был лишен и должен был вернуться в Верхотенский уезд. Чтобы избегнуть этого, Давид заплатил 25 рублей священнику и получил от него справку, что он принял крещение и наречен именем Виктор. На этом основании ему выдали паспорт на имя Виктора Львовича, православного вероисповедания, и он поселился в Чите, где занимался уроками – преимущественно летом. Как преподаватель он пользовался большой популярностью у читинской буржуазии, ему платили за уроки от 30 до 40 рублей в месяц, а один из читинских миллионеров за подготовку сына предоставил ему, кроме того, комнату в своем особняке и полный пансион. Летом Давид-Виктор зарабатывал до 200–300 рублей в месяц и откладывал деньги на зиму, когда уезжал в Харьков, где учился в университете, на юридическом факультете, который он окончил в 1916 году.

Мне было пятнадцать лет в 1915 году, когда я окончил Иркутское пятиклассное высшее начальное училище. Хозяин дома, в котором мы тогда жили, занимавшийся крупным извозным промыслом, порекомендовал меня одному из своих клиентов, купцу-бакалейщику Баумцвейгеру, искавшему кладовщика. Мы с мамой пошли на переговоры, и хозяин предложил по тем временам прекрасные условия: 75 рублей в месяц (в 1915 году это были большие деньги), полное питание, да еще, кроме того, обещался перед каждым выходным днем посылать со мной домой разные продовольственные товары. Свое обещание он выполнил: каждую неделю посылал нам пуд муки, 5 фунтов сахару, цибик чаю и, кроме того, конфеты, крупы, печенье и прочее. Кормили меня тоже хорошо. В течение шести дней я жил у хозяина на квартире и питался на хозяйской кухне, утром и вечером вместе с кухаркой, а обед она мне в судках приносила на склад. Еда была обильная и вкусная.

Но все эти блага я и отработывал тяжелым трудом. Рабочий день мой длился от 12 до 14 часов, и вечером, после ужина, у меня хватало сил только добраться до постели.

Денег на руки я не получал: за ними приходила мама, которой хозяин кроме того, в праздники посылал иногда денежные премии, или, как он их называл, подарки. На заработанные мной деньги мама одевала и обувала меня, а раз в неделю, по субботам, выдавала мне рубль – на мороженое, на билет в цирк, в театр или кино (тогда это называлось «иллюзион»). Остальные деньги тратились на общесемейные нужды.

Меня это вполне устраивало – и так длилось до революции, когда все склады и все имущество хозяина были конфискованы, а сам он уехал в полосу отчуждения КВЖД.

2. Февральская и Октябрьская революции

О Февральской революции в Иркутске узнали с опозданием. И сообщение об отречении от престола Николая II, и сообщение об отказе от царствования его брата Михаила были на несколько дней задержаны иркутским генерал-губернатором Пильцем. А командующий войсками Иркутского военного округа генерал от инфантерии Кшесинский в свою очередь утаил эти сообщения от воинских частей. Войска были выведены на Тихвинскую площадь, чтобы поклясться в верности царю, но церемонию сорвал один из младших офицеров поручик Краковецкий. Он обратился к войскам с сообщением об отречении царя и призвал их присягнуть Временному правительству. Призыв Краковецкого был встречен криками «ура!», и правый эсер Краковецкий возглавил первый Временный революционный комитет Иркутской губернии.

Постепенно в Иркутск стали прибывать освобождавшиеся из тюрем политические заключенные. Из Александровского центра явились в Иркутск эсеры Гоц, Тимофеев и другие, меньшевик А.Церетели (ставший затем первым председателем Иркутского Совета), большевики Боград, Яковлев, Шумяцкий, Постышев и ряд других.

Все театральные и концертные залы Иркутска были использованы для собраний и митингов. Один за другим выступали представители всех партий – от кадетов до анархистов. Целыми днями и вечерами шли дискуссии, в которых самое активное участие принимала молодежь – гимназисты, студенты, рабочие. Процесс революционизирования молодежи шел гигантскими шагами. Все политические партии стали легальными, и каждая из них стремилась привлечь население на свою сторону, доказывая, что именно ее программа открывает путь к благоденствию и счастью народа.

Мне исполнилось семнадцать лет, и я со всей страстью окунулся в политический водоворот. Вместе с моим другом Ю. Гутманом я все вечера проводил на митингах, как губка впитывая в себя идеи и программы. Меня больше всего привлекала программа большевиков, хотя мой старший брат Виктор, в ту пору самый большой для меня авторитет, был меньшевиком-интернационалистом.

Во главе большевистской молодежи Иркутска стояли семинаристы: из них хорошо помню только Стукова и Беляева – прекрасных ораторов и, по моим тогдашним представлениям, весьма образованных людей. Молодых кадетов, меньшевиков и эсеров возглавляли преимущественно студенты. На молодежных собраниях шли жаркие дискуссии между большевиками, меньшевиками, эсерами, кадетами и анархистами. Учащиеся в большинстве поддерживали эсеров и меньшевиков, рабочая молодежь – большевиков.

Октябрьская революция в Иркутске не совершилась по телеграфу. В Иркутском совете было большинство эсеров и меньшевиков. Реальная власть находилась в руках Иркутского ревкома, председателем которого был эсер, поручик Краковецкий. Опираясь на казаков, юнкеров и кадетов (в Иркутске был кадетский корпус и четыре юнкерских училища), местные власти объявили о своей верности Временному правительству.

На стороне большевиков были пехотные части и отряды Красной гвардии, особенно Черемховский отряд, созданный шахтерами и прибывший в Иркутск на помощь большевикам. Бои длились восемь дней. В декабре 1917 года солдаты и красногвардейцы разгромили юнкеров, выбили их из бывшего генерал-губернаторского дома – и в Иркутске установилась Советская власть. Во главе первого большевистского Совета стал Борис Шумяцкий.

Мать, отчим и братья были против моего увлечения большевистскими идеями. Мама пригласила из Читы Виктора, и на тайном – без меня – семейном совете было решено, что Виктор увезет меня в Читу и таким образом оторвет от моих друзей-большевиков. Уговорить меня

уехать было нетрудно: я очень хотел учиться, а Виктор обещал подготовить меня к поступлению в Вуз.

Весной 1918 года мы приехали в Читу, и я поселился вместе с Виктором в небольшой комнате, которую он снимал. Работал он тогда председателем Совета кооперативных съездов Читинской губернии. Обедал и ужинал я в столовой, которую мне рекомендовал Виктор: она находилась в подвале того дома, где мы жили. В первый же день, когда я явился туда, постоянные посетители этой столовой узнали во мне «Викторенка», а две его знакомые девушки, осведомленные о наших семейных вкусах, даже заказали для меня пирожки с мясом. В этой столовой я, благодаря Виктору, познакомился со многими молодыми читинцами и продолжал встречаться с ними, усиленно готовясь в то же время к экзаменам, которые должен был держать осенью.

Среди посещавших столовую было много молодых сионистов, главным образом из интеллигентных еврейских семей. Это были преимущественно левые сионисты из так называемой «Поалей-цион». Особенно подружился я с возглавлявшим эту группу Моисеем Бронштейном – отличным оратором и одаренным журналистом (свои статьи он подписывал «Нетроцкий»). Когда мы познакомились, ему было всего девятнадцать лет. Через год, в 1919 году, он вступил в Коммунистическую партию и вскоре стал работать в Коминтерне, заместителем председателя секции стран Востока. Он погиб в возрасте 22-х лет в бою, когда в числе 300 делегатов X съезда партии ушел на подавление Кронштадтского мятежа. О его гибели сообщила на первой странице «Правда».

Из других левых сионистов помню М.Бонер, Л.Левитана, М.Литвина, Б. Радовского, братьев Владимира и Виктора Шепшелевичей.

Я был решительным противником сионизма, но куда мне было тягаться с такими образованными людьми, как мои новые знакомцы. И наряду с подготовкой к экзаменам я стал под руководством Виктора изучать марксистскую литературу по национальному вопросу.

Не могу сказать, чтобы первые мои выступления против сионизма на собраниях молодежи были удачны. Но постепенно, по мере изучения вопроса, я стал чувствовать себя все увереннее. Да и время работало на меня, на отстаиваемый мной тезис, что еврейский вопрос должен решаться не путем эмиграции, а путем строительства социализма в стране обитания, путем ассимиляции с народами, среди которых евреи живут.

Время работало на меня, на марксизм, потому что после Февральской и Октябрьской революций евреи получили все гражданские права и стали равноправными. Перспектива эмиграции в Палестину все более блекла в глазах молодых евреев, теряла свою заманчивость... Левая сионистская молодежь (во всяком случае, у нас в Чите) все пристальнее присматривалась к событиям в России, все больше склонялась к слиянию с Коммунистической партией.

Процесс этот был прерван возрождением монархического движения в Сибири и на Дальнем Востоке.

3. Переворот на Дальнем Востоке

Осенью 1918 года я выдержал экзамен и поступил в последний, восьмой класс Читинского коммерческого училища. Но учился я уже не в советской Чите. Чехословацкое восстание в Сибири и на Урале и наступление из Манчжурии поддержанных японской армией войск атамана Семенова привели в августе 1918 года к захвату Читы белыми. Вступив в Читку, семеновцы сразу начали проводить жесточайшие репрессии против революционных элементов.

Виктор остался в Чите, вновь занялся репетиторством и включился в подпольную работу против власти атамана Семенова. Меня же сразу по окончании коммерческого училища, в апреле 1919 года, мобилизовали в белую армию.

Я попал в отдельную еврейскую роту, а затем, вместе с ней, в отдельный егерский батальон.

Откуда взялась в белой армии еврейская рота? Решение создать ее было принято атаманом Семеновым, по-видимому, из двух соображений: чтобы предохранить русских солдат от «растленного» влияния евреев и чтобы, смешав в еврейской роте детей трудящихся с детьми буржуазии, затруднить трудящимся евреям переход на сторону Красной армии. Командиром роты был назначен поручик (фамилию его я забыл), зоологический антисемит. Впрочем, не только антисемит: нас, евреев, он называл китайцами, что было, по всей вероятности, для него высшей степенью унижения.

Прошло месяца два со дня моего прибытия в роту. К тому времени все мы более или менее узнали друг друга. Это позволило найти единомышленников. Я и Яков Гриф договорились о создании в роте подпольной группы с целью подготовки восстания и перехода роты на сторону красных партизан. Вовлекали мы солдат в нелегальную группу крайне осторожно, медленно, заранее определив тех, кого вербовать ни в коем случае не следовало (их было немного, человек десять, в основном – дети очень богатых родителей). Всего в роте было около 150 солдат. Создали тройки, каждый из членов которых, в свою очередь, создавал тройку, с которой только он имел дело. Чтобы утвердить нового члена организации, требовалось получить по цепи согласие комитета. Вербовка шла успешно, предателей не было. Единственное, что волновало солдат: как отразится наш переход на сторону красных на семьях и на положении евреев на территории белых вообще?

В начале 1920 года, когда организация подполья была в полном разгаре, нашу роту, в составе всего егерского батальона, перевели со станции Борзя вглубь Восточного Забайкалья. Батальон стал нести гарнизонную службу в г. Нерчинск-Заводском, рядом с бывшим Горно-Зерентуйским централом. Кроме нашего батальона в Нерчинск-Заводском стояли три сотни казаков, две батареи легких и одна батарея трехдюймовых орудий – всего 1200–1300 человек. Гарнизон располагал большим количеством пулеметов, снарядов, патронов, продовольствия и амуниции.

В марте 1920 года комитет решил, что подготовка к восстанию, в общем, закончена. Мы имели и необходимые данные о гарнизоне в целом, о его дислокации и т. п. Еще в начале нашей работы, присмотревшись к помощнику командира взвода прапорщику Яковсону, мы завербовали его в нашу организацию. От вербовки мы его освободили (слишком подозрительно было бы чересчур тесное общение офицера с солдатами), зато на него было возложено выяснение планов командования. Пора было приступать к активным действиям.

Нерчинск-Заводской лежит в котловине, окруженной со всех сторон высокими сопками. Восточная часть города охранялась казаками, караульную службу в западной части нес егерский батальон, по очереди каждая из его трех рот. Следовательно, раз в три дня западную часть города охраняла наша рота.

План комитета был таков. Заранее договориться с партизанами, которые в назначенный день и час окружают Нерчинск-Заводской и разоружают части, охраняющие восточную сторону. В это время наша рота арестует офицеров и пропускает партизан в город. Часть партизан смекает наших солдат на сопках, а основные партизанские силы, вместе с нашей ротой, тихо, не открывая огня, спускаются в город и захватывают гарнизон врасплох. В назначенный для операции час на западных сопках должны были загореться сигнальные огни.

Чтобы осуществить этот план, нужно было прежде всего установить связь с партизанами. Решили послать к ним одного из солдат – членов нашей подпольной организации. Желательно не жителя Забайкалья: ведь побег его мог тяжело отозваться и на его семье, и вообще на положении евреев, находившихся под властью атамана Семенова. По моей рекомендации выбор остановился на иркутянине Любовиче, сыне портного, в мастерской которого работал мой брат Гриша. В нашу организацию завербовал его я, и мне же поручили его проинструктировать. Установлен был недельный срок, в течение которого Любович должен был сообщить партизанам наш проект и вернуться к нам, чтобы сообщить решение партизанского командования.

Ночью Любович тайно ушел к партизанам. Утром побег был, конечно, обнаружен. Началось расследование, но никаких результатов оно не дало, так как, кроме членов комитета, никто действительно ничего не знал о причинах исчезновения Любовича.

Все произошло по намеченному плану. В назначенный день и час Любович появился на сопке (мы предупредили караульных, чтобы его тихо пропустили к нам) и сообщил, что Нерчинск-Заводской окружен партизанами, которые ждут нашего сигнала. Они, сказал Любович, остерегаются провокации и поэтому просят, чтобы к ним явился один из членов комитета.

К партизанам немедленно направили Я.Грифа. Одновременно комитет приступил к аресту офицеров и дал сигнал зажечь костры.

Через 15–20 минут партизаны поднялись на сопки, сменили наших солдат на постах, а большинство их вместе с нашей ротой спустились в город и, как и было предусмотрено, захватили гарнизон врасплох.

Победа была полная. Вместе с партизанами мы разоружили около 1000 солдат, захватили 10 орудий, 30 пулеметов, около 3000 снарядов, 13 миллионов патронов и множество продовольствия и амуниции.

Операция была завершена. Комитет направил меня для доклада к командованию партизанских войск Забайкалья. Командир действовавшего вместе с нами партизанского соединения дал мне сопровождающего и оседланную лошадь и мы выехали в село Александровский завод, где располагался партизанский штаб.

Встретили меня дружески. Командующий партизанскими войсками Коротаев и начальник штаба Киргизов усадили меня пить чай и за ужином выслушали мой доклад о событиях в Нерчинск-Заводском и о переходе его гарнизона на сторону партизан. От имени комитета я просил штаб сохранить еврейскую роту как боевую единицу и создать на ее базе пехотный полк, командиром которого назначить бывшего прапорщика Яковсона. Коротаев и Киргизов согласились со мной и распорядились подготовить соответствующий приказ. Потом мы беседовали о настроениях наших людей, о моей жизни, о биографиях Яковсона и Грифа и т. д. В свою очередь они рассказали мне о политическом и военном положении на Дальнем Востоке и, наконец, предложили мне перейти на агитационно-информационную работу в штаб второй партизанской дивизии Ведерникова. Я согласился – только после того, как отчитаюсь перед своими товарищами о поездке в партизанский штаб.

Большинство партизан кавалерийского корпуса Коротаева составляли казаки Восточного Забайкалья, восставшие против власти атамана Семенова и его карательной политики. Большинство штабных должностей в корпусе красных партизан занимали бывшие народные учителя, вышедшие из казаков. Начальник штаба С.Киргизов, начальник политотдела дивизии А.Комогорцев, адъютант комкора А.Лесков, политработники Аксенов, Белокопытов – все они

принадлежали к этой народной казачьей интеллигенции. Честные и смелые люди, они не побоялись вступить в борьбу с семеновской бандой, поддержанной японцами, и повести за собой значительную часть забайкальского казачества, в том числе и зажиточного.

Особенно известно было имя командира первой партизанской бригады Якимова. Простой казак, неграмотный бедняк, Якимов проявил огромную смелость, находчивость и настоящий талант полководца. Со своим отрядом он совершенно неожиданно для белых внезапно появлялся в самых неожиданных местах, сопровождаемый своей женой-партизанкой, бывшей учительницей. О Якимове в кавалерийских партизанских частях ходили рассказы, напоминающие легенды. В основе их чаще всего были действительные подвиги Якимова.

Рассказывали, например, как ответил Якимов на письмо бывшего своего командира в империалистическую войну есаула Резухина. Командир кавалерийского полка в семеновской армии Резухин прислал Якимову письмо, в котором предлагал ему и его соратникам перейти к белым, обещая Якимову должность командира полка, а его помощникам – командиров сотен. Якимов ответил налетом на гарнизон Резухина и полным разгромом гарнизона, причем сам Резухин убежал в нижнем белье.

Другой рассказ относится к 1919 году. Тогда семеновцы чувствовали себя хозяевами положения, а у партизан было еще мало сил. Якимов решил разгромить гарнизон белых, расположившийся в селе Газимурский завод. Семеновцев было около 1000 человек, партизан – почти вдвое меньше. Неподалеку от Газимурского завода располагалась деревня Тайна. Жили в ней в ту пору главным образом старики, женщины, дети и подростки: большинство мужчин ушли в партизаны. Среди якимовцев тоже были жители деревни Тайна. Он послал их к своим землякам, предложив им посадить молодых парней и женщин верхом на лошадей и двинуть галопом на Газимурский завод, поднимая перед собой метлами сильную пыль. Сам Якимов со своими партизанами занял в это время все выходы из Газимурского завода. Когда несущаяся из тайги кавалькада, скрытая густым облаком пыли, приближалась к Газимурскому заводу, там началась паника. Разнесся слух, что мчится конница Якимова. Солдаты бросились бежать в противоположную сторону, но на дорогах их перехватывали, разоружали и брали в плен партизаны Якимова.

Летом 1920 года партизанские части Восточного Забайкалья стали сосредотачиваться вблизи железной дороги, занятой армией Семенова, около Сретенска, Нерчинска, станций Борзя и Карымская.

К этому времени на Дальнем Востоке образовалась Дальневосточная демократическая республика (ДВР), и шли переговоры правительства ДВР с японским командованием. Десятого июля 1920 года было достигнуто соглашение об уходе японских войск из района Забайкалья. Предстоящий уход японцев, конечно, ослаблял силы Семенова. В предвидении грядущих сражений с народно-революционной армией семеновское командование решило, пока еще японцы здесь, нанести серьезный удар по партизанским частям, чтобы ослабить их.

Однако одновременное наступление армии Семенова на Нерчинск, Сретенск и станцию Борзя не принесло белым решающей победы. Правда, партизаны, стремясь сохранить силы для решающих схваток, отступили, и отступление было тяжелым, но основные силы и вооружение удалось сохранить без потерь.

Отступали мы вдоль реки Аргуни, до места слияния ее с рекой Шилкой и образования Амура. Здесь, на стрелке, в месте слияния Шилки и Аргуни партизанские части распоряжением командования Народно-революционной армии были переформированы из корпуса в Забайкальскую кавалерийскую дивизию. Командный состав в основном остался тот же – начдив Коротаев, начштаба Степан Киргизов, начполитотдела – А.Комогорцев. Комиссаром был назначен прибывший из политуправления НРА Максимов.

Здесь, на стрелке, в селе Покровка, я вступил в РКП(б). Политотдел дивизии принял меня в партию без кандидатского стажа и утвердил стаж с апреля 1920 года, т. е. со дня переворота

в Нерчинск-Заводском (хотя оформили мой прием только в июле 1920 года). Тогда же меня назначили начальником политпросветчасти политотдела дивизии.

В октябре 1920 года началось общее наступление войск НРА на банды Семенова из Верхнеудинска, со стороны Сретенска и со стороны станции Борзя, Даурии и др. Войска Семенова были порезаны в шести пунктах железнодорожной линии и в конечном счете разгромлены. Войска НРА заняли город Читу. Забайкальская, Амурская и частично приморская области вошли в состав Дальневосточной Республики.

Началась подготовка к выборам в Учредительное собрание ДВР. В нашей дивизии избрали комиссию по выборам в Учредительное собрание. Председателем комиссии стал комиссар Максимов, секретарем – я. Мне пришлось объехать в ходе выборной кампании части дивизии, расположенные в разных местах Восточного Забайкалья. Когда я уже возвращался в Читу для сдачи материалов Центральной избирательной комиссии, часть пути из станции Цаган-Олуево до Борзи мне пришлось проделать в санях. Стояли сильные морозы, в степи разразился буря, и я, ехавший в одной легкой японской шинели, приехал в Читу с температурой выше 40, а когда брат вызвал врача, я был уже в бреду.

Выздоровев после тяжелого воспаления легких, я около двух месяцев работал по назначению Военпура завполитпросветом Военно-политической школы, а когда окреп, меня назначили инструктором Военпура.

4. На Хабаровском фронте

В конце 1921 года главком ДВР Блюхер специальным поездом направился на фронт, для руководства наступлением войск НРА на Волочаевском направлении. С ним ехал и его полевой штаб и выделенная по приказу Блюхера Военпуром группа политработников. Составляли ее руководивший группой заместитель начальника Военпура А.Т.Якимов и два инструктора – П.Подеревянский и я.

В январе 1922 года поезд Блюхера прибыл на станцию Ин. Здесь произошла встреча главкома с командующим фронтом Серышевым и членами Военного совета Постышевым и Мельниковым. Пока они совещались в салоне, наша инспекторская группа обследовала политуправление фронта. Когда же началась операция, мы трое по приказу Блюхера переселились в деревянный дом полевого штаба главкома и заняли места у телефонов, связывавших штаб с соединениями наступающих войск.

Перед началом операции Блюхер послал к генералу Молчанову, командовавшему белой армией, парламентаря, передавшего обращение Блюхера к войскам противника с предложением прекратить сопротивление и сдаться Народно-Революционной армии. Парламентарем пошел наш Паша Подеревянский, молодой, красивый, смелый человек, которого мы очень любили. Естественно, мы очень беспокоились за него, однако белые, хотя и отклонили предложение о капитуляции, но Пашу не тронули, и он благополучно возвратился в штаб.

Сидели мы у телефонов в той самой большой комнате, где работал Блюхер. За столом, на котором лежала карта Волочаевского района, располагались главком и другие командиры. На стенах висели три телефона, и каждый из нас во время боевых действий был связан с одним из командиров соединений. Через нас Блюхер в любую минуту мог связаться с командирами, а они – с главкомом. Мы слово в слово передавали распоряжения главкома и сообщавшиеся главкому сведения, которые он тщательно отмечал на карте.

Наступление наших войск началось 10 февраля 1922 года. Перед началом операции в частях была проведена большая политическая работа, в которую включилась и наша группа. Велась работа и в войсках противника. Накануне наступления наш самолет разбросал в окопах и по тылам белых множество листовок, привезенных в поезде Блюхера. А в листовках, раздававшихся нашим бойцам, мне запомнились лозунги: «Даешь Волочаевку!», «Привал на Имане, отдых – во Владивостоке».

Но отдых оставался пока впереди. Волочаевку еще нужно было взять. Бои велись тяжелые. Волочаевка располагалась на будто выглаженной равнине, без какой-либо возвышенности, без единого деревца. Белые заранее оборудовали по всему фронту восемь рядов проволочных заграждений, а за ними – окопы со встроенными артиллерийскими орудиями и гнездами для станковых пулеметов.

Начался бой. В лобовой атаке наши несли большие по тем масштабам потери. Противник кинжальным огнем из пулеметов простреливал наши наступающие части. Помню, как по моему телефону позвонил командир соединения и просил, ввиду больших потерь, разрешения прекратить наступление. Блюхер внимательно выслушал сообщение и сказал:

Передайте, что командующий приказывает безоговорочно продолжать наступление.

Сражение продолжалось два дня. Белые упорно сопротивлялись. Но когда нашим войскам удалось обойти фронт со стороны Казакевичей, генерал Молчанов отдал приказ отступить.

Волочаевка была взята войсками Народно-Революционной армии. Не забудется картина этого поля сражения. Снежная равнина, усеянная тысячами трупов, замерзших в том положении, в каком их застала смерть. Наши и белые, в самых причудливых позах. А неподалеку,

рядом со штабом, горят костры, народоармейцы греются чаем. Блюхер вышел из штабного домика с эмалированной кружкой в руках...

Блюхер был одет так же, как рядовой народоармеец, и очень прост в обращении. Рассказывали, что как раз в эти дни он подошел к одному из костров и попросил налить ему кружку кипятку. Боец послал его довольно далеко. Блюхер ничего не ответил и направился к другому костру.

– Ты что, с ума сошел, ведь это командующий, – сказал один из сидевших у костра. Виновник бросился к Блюхеру извиняться, но тот даже не обратил внимания на его провинность. Весть об этом эпизоде быстро разнеслась среди народоармейцев и вызвала большую симпатию к главкому.

Наступление продолжалось. 14 февраля наши части заняли Хабаровск.

Вскоре после боев под Волочаевкой меня назначили начальником агитационного поезда Хабаровского фронта. Поезд должен был выпускать свою газету, проводить митинги и доклады, распространять литературу. В состав поезда входили вагон-типография, вагон-библиотека-читальня, вагон-клуб с оркестром и спальный вагон. Редактором фронтовой газеты, выпускавшейся поездом, назначили Подеревянского, а руководителем агитационной группы Елену Терновскую, известную дальневосточную комсомолку, очень яркого и талантливого человека.

Поезд двигался по железной дороге и останавливался в местах сосредоточения воинских частей. На стоянках начинал играть оркестр, созывавший бойцов на митинг. На митинге выступал обычно кто-нибудь из нас троих – Подеревянский, Терновская или я – с докладами о международном и внутреннем положении. Потом кто хотел из бойцов заходил в читальню, а политработники частей получали от нас газеты для распространения.

Очень важно было, как указало командование, разъяснить бойцам сложную обстановку, создавшуюся на Хабаровском фронте. Правительство ДВР заключило соглашение с японским военным командованием, согласно которому войска НРА могли продвигаться к Владивостоку только по мере отхода японских войск. Между нашими и японскими войсками при этом всегда должен был строго соблюдаться разрыв (если я правильно запомнил – не менее 10 километров). Японское же командование медлило с отходом, стараясь продлить пребывание своих войск на Дальнем Востоке. Поэтому они время от времени устраивали провокации, стараясь вызвать военные действия с нашей стороны.

Одну из таких провокаций устроили они с нашим бронепоездом № 8. Зная, что частям НРА категорически запрещено вступать в бой с японскими солдатами и открывать по ним огонь, что в случае нападения японцев им приказано отходить, группа японцев стала окружать бронепоезд и сделала попытку захватить его. Командир бронепоезда (фамилию не помню) готов был отдать приказ о сдаче. Тогда комиссар поезда Кручина приказал арестовать командира, принял командование и распорядился занять позиции у орудий и пулеметов. Когда японцы попытались подняться на платформы бронепоезда, Кручина приказал открыть огонь. Часть японцев были убиты и ранены, а вся группа японских войск, пытавшаяся захватить бронепоезд, вынуждена была отступить. Явившись в расположение штаба главкома, Кручина доложил Блюхеру о случившемся. Блюхер освободил от ареста командира бронепоезда и вынужден был для формы арестовать Кручину и принести извинения японскому командованию.

Но японское командование вскоре начало общее наступление на наши позиции. Части НРА получили приказ отходить без боя. Отходили до станции Иман. В войсках поднялся ропот:

– Зачем же мы несли такие потери? Так воевали, с таким трудом завоевывали территорию, а теперь без боя отдаем?

Как и другие политработники фронта, я получил указание разъяснять бойцам смысл заключенного с японцами соглашения и суть временных затруднений, испытываемых нашими

частями до тех пор, пока правительство ДВР не подпишет с японским командованием новое соглашение.

Вскоре на место Блюхера был назначен Уборевич.

5. На подпольную работу во Владивосток

В начале мая 1922 года я получил приказ сдать агитпоезд и выехать в распоряжение Приморского губбюро РКП(б) для подпольной работы во Владивостоке. Приморское губбюро располагалось в селе Анучино. Там я встретился и познакомился с секретарем Губбюро Константином Пшеницыным, которого все называли Костей, председателем Приморского губисполкома Ильей Слинкиным, с одним из руководителей партизанского движения в Приморье Николаем Илюховым, с Бахваловым, Врублевским и другими опытными руководителями подполья.

Через несколько дней я пешком, в сопровождении проводника, отправился во Владивосток. Проводник был необходим, потому что через уссурийскую тайгу, особенно весной, можно было пройти только по партизанским тропам. Шли мы несколько дней. Тайга вся цвела, пышная полутропическая растительность заплетала дорогу, воздух был насыщен густыми влажными ароматами, под ногами хлюпали болота, а в тело впивались клещи и другие насекомые, которыми так богата тайга.

Наконец пришли. Проводник привел меня к рабочему-судостроителю, где я переночевал, а утром явился на явку.

Бюро Владивостокского подпольного комитета (секретарем его был Н.Горихин, а членами бюро А.Слинкин и С.Третьяков) решило поручить мне руководство военной организацией комитета. Она состояла из трех райкомов. Райком, руководивший подпольной работой на военном флоте, возглавлялся Дмитриевым, в гражданском флоте – Хмелевым, в сухопутных частях – Сусловым. Моим связным была Маруся Фетисова, дочь рабочего, девушка, горячо преданная делу социалистической революции.

Маруся нашла мне квартиру неподалеку от своей, в Голубиной пяди. Организация обеспечила меня паспортом на имя Петра Михайловича Железнова.

К моменту моего приезда во Владивостоке существовало так называемое правительство братьев Меркуловых, вскоре сменившееся правителем края бароном фон-Дитерихсом, одним из придворных Николая II. Свою армию барон назвал «Земской ратью».

Но остерегаться нам следовало не столько барона и его «земской рати», сколько военных разведок.

Во Владивостоке работали три контрразведки: одна – морская – при штабе военно-морских сил, две другие – при пехотных частях. Все они имели широко разветвленную сеть секретных сотрудников – и при подборе функционеров подпольной организации требовалась особая внимательность.

Дмитриев был опытный человек, старый «морской волк», хорошо разбиравшийся в людях и наладивший связи с военными кораблями. Кораблей таких в Дальневосточном флоте к тому времени осталось немного: 8-10 миноносцев устаревших конструкций. Но терять их нам не хотелось. Власть белых подходила к концу – и мы задумали не допустить увода из Владивостока военных и гражданских кораблей.

Подпольная организация решила в подходящее время вывести из строя машинные отделения военных судов. Что касается гражданского флота, Хмелеву было поручено попытаться договориться с капитанами о передаче кораблей в первом же рейсе генеральному консульству в Шанхае.

Чтобы вывести корабли из строя, специалисты рекомендовали взрывать пироксилиновыми шашками золотники, так как в условиях Владивостока на ремонт золотников потребовалось бы не меньше 2–3 месяцев. Для взрыва требовалось в оставшееся время подобрать на каждом миноносце одного-двух надежных людей. Это и было поручено Дмитриеву.

Хмелеву поручалось выяснить настроения капитанов транспортных и пассажирских судов, их помощников и команд. Для начала я попросил Хмелева в ближайшее время организовать мою встречу с таким капитаном, который, по его мнению, настроен просоветски. Но Хмелев поручиться ни за кого не мог. Однако, когда при встрече он сообщил, что один из грузовых пароходов уходит в рейс, я решил рискнуть и встретиться с его капитаном. Подпольный комитет одобрил это, а Хмелев взялся обеспечить меня пропуском и проводить на корабль. Вход на корабль контролировался морской разведкой, и мы на всякий случай вооружились.

Но все сошло благополучно: охрана беспрепятственно пропустила нас. В капитанскую каюту вошел я один – Хмелев остался ждать меня на палубе. Я попросил разрешения поговорить с капитаном наедине, и когда мы остались с глазу на глаз, прямо сказал ему, что пришел по поручению советских органов.

– Чего же вы от меня хотите? – спросил капитан.

– Мы предлагаем вам перейти на службу в советское пароходство, – сказал я.

– И как вы себе это практически представляете? – улыбаясь, спросил мой собеседник.

– Мы предлагаем вам, когда вы придете в Шанхай, передать судно с грузом советскому консульству и поступить в его подчинение.

Капитан молчал, но уже не улыбался. Я ждал: вот-вот он вызовет матросов и сдаст меня на руки морской разведке. Однако после некоторого раздумья он сказал:

– Хорошо. Это мне подходит. Я и сам не хочу уезжать из России. На том мы и порешили, и я тут же попросил его посоветовать, с кем еще из капитанов можно вступить в такие же переговоры. Он назвал мне фамилию капитана, который может взять на себя организацию передачи гражданских судов генеральному консульству в Шанхае. Позже Хмелев встретился с ним, и тот действительно выполнил наше поручение.

Несколько иной была задача подпольной организации в отношении сухопутных частей белой армии. Распропагандировать их, добиться их перехода на сторону красных мы не надеялись: это были отборные белогвардейские зубры, прошедшие с белой армией от Волги и Урала до Тихого океана. Задача состояла в том, чтобы не дать японцам и белым увезти из России огромное военное имущество, накопившееся во Владивостоке.

Во время войны поставки царскому правительству Соединенными Штатами осуществлялись через Владивосток, так как морские пути в Европейскую часть России были блокированы немецкими подводными лодками. К концу империалистической войны на складах Владивостока скопилось огромное военное имущество: около 1,5 млн. пудов пороха, 800–850 тысяч винтовок, громадное количество артиллерийских снарядов, мин, патронов, моторы к самолетам, кожа для военной обуви и многое другое.

Склады Владивостокской таможни тоже были забиты конфискованными товарами.

Все это нужно было сохранить для нашей страны. Американские представители во Владивостоке, конечно, зорко следили за тем, чтобы имущество, поставленное их правительством, не попало в руки японцам, но нам они его, разумеется, передавать не собирались.

Подпольный комитет принял такое решение:

во-первых, предложить работникам военных складов соглашение: они сохраняют военное имущество для России в обмен на сохранение им жизни и прощение грехов, совершенных ими в белой армии;

во-вторых: организовать собственную охрану складов из вооруженных рабочих Владивостока.

Вот чем, в основном, занималась наша подпольная военная организация.

В конце июля 1922 года комитет получил от командования белых частей предложение встретиться с их представителями, чтобы обсудить вопрос об условиях, на которых белые войска могли бы перейти на сторону Народно-Революционной армии.

Мы, в общем, не очень-то верили этому предложению. На заседании комитета, в котором участвовал и я, высказывались предположения, что это, может быть, провокация. Все же решили на встречу пойти, так как положение белых частей было, действительно, критическим, и тенденции к сдаче у них могли быть. Комитет решил послать на встречу А.Слинкина, а мне предложили сопровождать его до места и наблюдать за обстановкой вокруг дома, где встреча была назначена. Если бы Слинкина арестовали, я должен был доложить все комитету.

В первый день встреча произошла без всяких инцидентов. Я занял совершенно неуязвимую, хорошо скрытую позицию для наблюдения. Слинкин благополучно вышел из дома. Представители белых выясняли условия, спрашивали, чем гарантируется выполнение наших обещаний. Договорились встретиться на другой день.

Я занял прежнюю позицию. Но на этот раз Слинкина арестовали. Я видел, как двое офицеров вывели его под руки, усадили в пролетку и повезли в сторону Морского штаба. Я выждал несколько минут, вышел из укрытия, взял извозчика и поехал вслед за пролеткой. У меня мелькнула мысль отбить Слинкина. Но это была бы безнадежная попытка: вокруг было полным-полно офицеров.

(Позднее, когда Слинкин вышел из тюрьмы, он рассказал мне, что у него упорно добились, кто приходил с ним на встречу. Он отвечал, что был один.)

Время шло. Дмитриеву удалось вывести из строя несколько миноносцев, организовав взрыв золотников. Но тут я чуть было не попался. Один из матросов, которому был поручен взрыв, прежде чем дать согласие пожелал встретиться с руководителем военной организации. Не согласовав вопроса с комитетом, я согласился встретиться с ним в садике на Голубиной пяди. Все же некоторую осторожность я проявил: поручил одному из товарищей прийти на место встречи заранее и проследить, не привел ли матрос агента. Оказалось, привел: мне дал это понять находившийся в садике товарищ. Вскоре пришли Дмитриев с матросом. Я быстро закончил с ними беседу и ушел. Но шпик пошел за мной. Зная все лазейки в этом районе, я ускользнул от него. Но это был сигнал. Надо было менять квартиру, тем более, что Маруся Фетисова установила: за моей квартирой следят.

После освобождения Владивостока матроса-предателя, конечно, арестовали.

В районе Первой речки были расположены артиллерийские склады, в которых, по агентурным данным, находилось весьма ценное военное имущество, в частности, новые моторы для самолетов. Во главе этих складов стоял полковник, который, по достоверным данным, не хотел эвакуироваться с белыми. Я решил с ним договориться: пошел к нему рано утром, когда он бывал один, и прямо предложил ему перейти на службу в Красную армию. Полковник усомнился, не провокатор ли я, но, когда я показал ему мандат, согласился выполнять поручения подпольщиков. В его распоряжении была небольшая группа солдат, охранявших склады. Полковник обязался не допустить изъятия или уничтожения имущества, находившегося на складах, и в сохранности передать его Красной армии. Я обещал, что он и его охрана будут приняты на службу в нашу армию. По его просьбе я выдал ему документ, удостоверяющий, что полковник такой-то выполнял поручение подпольного комитета сохранять военное имущество до прихода частей Народно-Революционной армии. Свое обещание полковник выполнил, имущество сохранил и вскоре, вместе со своими солдатами, сопровождал его в Россию.

А Слинкин наш продолжал сидеть в тюрьме. Во Владивостокской тюрьме было много политических заключенных, и существовала реальная опасность, что перед эвакуацией бело-гвардейцы их убьют. Некоторые наиболее оголтелые уже делали несколько попыток вывести заключенных из тюрьмы и перестрелять. Спас их решительно воспротивившийся расстрелу начальник тюрьмы, который из Владивостока уезжать не хотел. Но, в конце концов, власть начальника тюрьмы не безгранична, и бело-гвардейцы могли перед самым своим концом силой вывести из тюрьмы и перестрелять наших товарищей.

Секретарь Владивостокского подпольного комитета РКП(б) Николай Горихин решил смелым рейдом освободить всех политзаключенных. Запасшись мандатом комитета на арест начальника тюрьмы (в случае, если тот будет противиться освобождению политзаключенных) и пистолетами, Горихин, Дмитриев, Суслов, Хмелев и я пошли на квартиру к начальнику тюрьмы. Мы остались у двери, а Горихин вошел в квартиру и от имени подпольного комитета предложил ему сотрудничать с Советами.

– Чтобы вас ни в чем не заподозрили, мы, после того как освободим политзаключенных, арестуем и уведем вас, – сказал Горихин. – Но мы гарантируем вам жизнь и свободу...

После некоторого колебания начальник тюрьмы согласился. Вместе с Николаем он стал обходить камеры политзаключенных и открывать их. Горихин сообщал товарищам, что они свободны и советовал им быстрее смыться из тюрьмы. Ворота тюрьмы распахнулись. Мы встречали освободившихся и тоже рекомендовали им поскорее убраться подальше отсюда. Через полчаса все было закончено. Я встретил Слинкина и вместе с ним пошел на Первую речку. А последним удалился Н. Горихин, захватив с собой начальника тюрьмы.

Выше я упоминал о том, что Владивостокский подпольный комитет предложил военной организации создать охрану складов военного имущества отрядами вооруженных рабочих. Эта работа выпала главным образом на долю Шишкина и мою. Шишкин, новый член бюро, по кличке «Володя маленький», прибывший во Владивосток примерно в середине октября, возглавил военную организацию подпольного комитета и революционный штаб. Я стал его заместителем и членом ревштаба.

Захватив некоторые склады, мы вооружили рабочих Дальневосточного судостроительного завода – и с 20 октября, по мере того как снимали свои посты японцы, мы занимали охрану портовых складов и складов Владивостокской таможни. А затем, заняв здание бывшего Морского штаба, подпольный революционный штаб напечатал и расклеил по городу обращение к трудящимся Владивостока с просьбой помочь нам в охране народного имущества и порядка в городе.

Неожиданно нам предложили свои услуги иностранцы. На рейде в это время стояло несколько иностранных кораблей: японский линкор «Ниси», американский крейсер «Сакраменто» и французский крейсер «Жерминаль». Офицеры французского и американского кораблей явились к нам в штаб (мы уже почти вышли из подпольного положения) и предложили свою помощь в охране складов пороха. В этом они, пожалуй, действительно были заинтересованы: взрыв пороховых складов мог уничтожить весь полуостров, включая рейд с иностранными кораблями.

Но Володя Шишкин гордо заявил им, что мы в иностранной помощи не нуждаемся. И, действительно, обошлись своими силами, хотя больших сил как будто и не было.

23 октября войска Народно-Революционной армии заняли станцию «Первая речка». В это время на рейде в панике грузились последние японские и белогвардейские части. 24 октября между командованиями Народно-Революционной и японской армий было подписано соглашение об окончательной эвакуации японских войск, которая должна была закончиться не позднее утра 25 октября. Остатки белой армии были спешно погружены на транспортные суда и вывезены из Владивостока под прикрытием японских войск. На рейде оставались только три перечисленных выше военных корабля. Жерла их орудий были направлены на Владивосток.

Утром 25 октября во Владивосток со стороны Первой речки, под звуки оркестра двинулась колонна войск Народно-Революционной армии. Впереди верхом ехал главком Уборевич. В тот же день во Владивосток прибыли из Анучина все руководители партийных, советских и комсомольских организаций во главе с Костей Пшеницыным.

Весь Владивосток высыпал на улицу и встречал армию цветами и овациями. С балкона здания на углу Светланской и Алеутской улиц армию приветствовали все мы, подпольщики,

вышедшие, наконец, на свет. Начался митинг, на котором первым выступил секретарь подпольного горкома РКП(б) Николай Горихин. С ответным словом выступил И. Уборевич.

На следующий день Уборевич отдал приказ: всем иностранным военным судам и иностранным военнотружущим немедленно покинуть Владивосток, его порт и рейд, всем консульствам иностранных государств, не признавшим ДВР, в трехдневный срок покинуть территорию ДВР. Все, кроме японского командования, выполнили это распоряжение. Только линкор «Нисин» продолжал оставаться на Владивостокском рейде, и японское консульство еще длительное время не покидало Владивосток.

26 октября 1922 года на всех предприятиях и во всех учреждениях Владивостока состоялись выборы в первый Городской совет рабочих и красноармейских депутатов, а 27 октября в театре «Золотой Рог» открылась первая сессия Совета.

Я тоже был избран депутатом Горсовета, а 28 октября утвержден членом только что сформированного Губернского бюро профсоюзов как секретарь и заведующий культотделом этого бюро. 29 октября на пленуме Владивостокского горсовета трудящихся я, от имени трудящихся, объединенных в профсоюзы, предложил ликвидировать буферную республику и воссоединиться с Советской Россией. Предложение было встречено бурной овацией. На этом же собрании Горсовет принял внесенное Губбюро РКП(б) обращение к Народному Собранию ДВР о самороспуске и воссоединении с Советской Россией.

В течение ноября все организации Приморской губернии занимались подготовкой и проведением губернских конференций, на которых надо было избрать руководящие органы этих организаций – партийных, советских, профсоюзных и т. д. К концу ноября все губернские и городские органы, кроме губисполкома, были сформированы. Меня избрали членом Приморского губкома партии.

Выборы в губернский Совет и формирование губисполкома задержались потому, что надо было разобраться в социальном составе населения Приморья. Здесь, особенно во Владивостоке, за время гражданской войны скопилось много людей из бывших привилегированных классов, постепенно отходивших на Восток вместе с белой армией. Не все они успели или захотели эвакуироваться с японцами. Надо было разобраться. Были среди этих пришлых людей и активные контрреволюционеры, и просто жены белых офицеров, не сумевшие уехать со своими мужьями, и множество проституток, осевших в публичных домах Владивостока. Изучение этого пришлого состава заняло несколько месяцев, и занимался этим временный Губревком, во главе которого стал начальник ГПУ Бельский. Большую часть социально-чуждых элементов отправили в районы Западной Сибири и там трудоустроили.

Очень трудоемкой работой, требовавшей больших усилий и тщательного подбора честных сотрудников, были учет и распределение имущества, находившегося на Владивостокских складах и в крупных универсальных магазинах, принадлежавших ранее фирмам «Кунст и Альберст» и «Чуркин». Для учета и приемки всего этого имущества Совет труда и обороны (СТО) РСФСР создал и направил во Владивосток специальную комиссию во главе с Трифоновым. Сразу по прибытии во Владивосток комиссия опечатала все склады и поставила привезенную с собой охрану, сразу закрыв доступ к складам вившимся вокруг материальных ценностей местным дельцам и авантюристам.

А авантюристов в те времена в Приморье было много. Не могу удержаться от рассказа об одном из них, подвизавшемся во Владивостоке во времена власти японцев. О его похождениях я прочел в одной из белогвардейских газет.

Вместе с белой армией докатился до Владивостока некий корнет Савин, настоящее имя которого было, по утверждению газеты, «граф Тулуз де Лотрек» (какое он имел отношение к знаменитому французскому художнику, неизвестно). Будучи уже немолод, он почему-то продолжал оставаться (или называться) корнетом. О нем писал еще Гиляровский, и он был изве-

стен тем, что сумел в свое время два дня пробыть на болгарском престоле, а также продать некоему заезжему иностранцу дом московского генерал-губернатора (ныне здание Моссовета).

Похождения корнета Савина в белогвардейско-японском Владивостоке были, конечно, попроще, но тоже довольно изобретательны. Так, он продал крупнейшему комиссионному магазину некую скрипку, выдав ее за скрипку Страдивари. Магазин скрипок на комиссию не брал, но корнет уговорил хозяина выставить ее в витрине с надписью «Скрипка Страдивариуса» и утверждал, что знатоки оторвут ее с руками. Цену за скрипку корнет назначил 15.000 иен.

Хозяин принял скрипку условно и выставил ее на витрине. В последующие два дня в магазин один за другим зашли два элегантно одетых посетителя, попросивших показать им скрипку и осведомлявшихся о цене. Первому из них хозяин назвал цену 18.000 иен, второму – глаза разгорелись! – 25 тысяч иен. Оба пробовали скрипку, выразили свое восхищение ею, дали задаток (первый 2000, а второй 3000 иен) и просили оставить скрипку за ними.

А еще через день явился сам корнет Савин и озабоченно сказал:

– Обстоятельства складываются так, что я должен срочно уехать. Придется мне забрать скрипку. Сколько я должен вам за услуги? – и полез в карман.

– Я покупаю скрипку за вашу цену, – объявил хозяин магазина.

– Как вам будет угодно, – вежливо ответил корнет Савин, получил деньги и ушел.

Разумеется, скрипка ничего общего со Страдивари не имела, и своих элегантных покупателей хозяин больше не видел.

Второе мошенничество, уже совсем мелкое, однако по остроумию своему в пору хотя бы Остапу Бендеру.

Во Владивостоке в ту пору были две сапожных мастерских высшего класса, способные удовлетворить претензии самых богатых и франтоватых офицеров. Корнет Савин зашел в одну из них и заказал пару лакированных сапог по своему рисунку. Затем он зашел в другую мастерскую и заказал точно такую же пару сапог. С обеими мастерскими он договорился, чтобы заказ был принесен к нему в гостиницу «Золотой Рог» ровно через неделю, только первой мастерской указал срок 10 часов утра, а второй – 11. Он предупредил, чтобы сапоги были принесены без опозданий.

Все было сделано так, как потребовал заказчик. Ровно через неделю, в 10 часов, мастер принес ему сделанную в первой мастерской пару сапог. Корнет примерил сапоги и нашел, что левый сапог немного жмет.

– Поставьте его на ночь на колодку, – распорядился он, – а утром принесете.

Точь-в-точь такая же беседа произошла у него через час с мастером, принесшим сапоги из второй мастерской. Только на этот раз «жал» правый сапог. Мастер ушел, унося его с собой, а Савин, соединив таким образом пару бесплатных сапог, обулся и покинул гостиницу.

Вернусь от анекдотов к подлинным событиям. В числе ценностей, находившихся во Владивостоке, были библиотека и архив бывшей Академии генерального штаба царской армии. Сначала библиотека и архив были вывезены в Самару, а затем во Владивосток, на Русский остров. Библиотеку сопровождало несколько генералов, профессоров Академии, в том числе бывший начальник ее, генерал Андогский, уехавший с японцами. Однако остальные профессора остались. Они же во время пребывания японцев во Владивостоке не допустили к русским военным архивам пытавшихся ознакомиться с ними японцев.

Сразу после прихода во Владивосток Красной армии председатель Реввоенсовета РСФСР Л.Д.Троцкий приказал Уборевичу немедленно, специальным железнодорожным составом, отправить в Москву библиотеку и архив. Это было сделано. Вместе с драгоценным грузом в Москву уехали и профессора Военной академии.

...Закончилась предвыборная и выборная горячка. Мы, профсоюзные работники, включились в деловую, практическую деятельность. Прежде всего нужно было сломать господство-

вавшую на предприятиях Приморья расистскую систему оплаты труда рабочих. До прихода Советской власти на угольных шахтах Приморья за одну и ту же работу русский рабочий получал почти вдвое больше, чем китаец. Теперь, когда все предприятия Приморья были национализированы, на этих предприятиях, согласно советскому законодательству, установилась равная оплата за равный труд независимо от национальности рабочего. Эту работу проводили профсоюзы, что сильно повысило их авторитет в глазах рабочих, особенно китайцев, которые составляли большинство на шахтах Приморья. Все они вступили в члены профсоюза. Производительность труда на угольных шахтах резко повысилась.

Страна переходила к мирной жизни. Дальний Восток освободился от врагов. Теперь я считал себя вправе осуществить свою мечту об учебе. Думая об этом, я откладывал часть своего, довольно большого по тем временам заработка, зная, что мне предстоит жить на небольшую студенческую стипендию. Зарплату нам во Владивостоке платили сначала в иенах, потом – в золотых и серебряных монетах царской чеканки. Ста пятидесяти рублей в месяц, которые получал я, не имевший семьи, вполне хватало и на жизнь, и на некоторые накопления, и на то, чтобы, памятуя о будущей студенческой жизни, приобрести кое-какую одежду, обувь, белье.

6. На учебу – в Москву

Летом 1923 года я поставил, наконец, перед секретарем губкома К.Пшеницыным вопрос о командировке меня на учебу. Сначала мне отказали: не отпускали с работы. Я вновь и вновь добивался своего и, наконец, 1 октября Губпрофсовет освободил меня от должности секретаря, а Дальбюро дало путевку в Московский институт народного хозяйства и назначило стипендию – 30 рублей в месяц.

Ехал я в Москву с удобствами (мне повезло), но опаздывал к началу занятий (тут мне не повезло). Повезло потому, что председатель Губревкома Ян Гамарник, узнав о моем отъезде, предложил мне доставить в Москву и сдать секретариату ЦК РКП(б) специальный вагон, которым он приехал во Владивосток. Я согласился, ко мне еще примкнул ехавший в Москву председатель Дальбюро ВЦСПС К.Кнопинский, и мы вдвоем поехали в роскошном вагоне с шестью одноместными купе, с широкими кожаными диванами, письменными столами и креслами, со специальной плитой для приготовления пищи и прочим.

А не повезло потому, что, во-первых, меня не сразу отпустили, а во-вторых, ехать из Владивостока в Москву в те времена надо было не меньше двух недель. Железные дороги были запущены, а мост через Амур, взорванный в гражданскую войну, все еще не был восстановлен: переправляли вагоны через реку паромом и собирали состав на том берегу. Отапливать свой роскошный вагон мы должны были сами: хорошо хоть, в Чите с помощью Кнопинского удалось запастись топливом.

Наконец, 25 октября 1923 года прибыли мы в Москву. Поселился я, по ходатайству Дальбюро ВЦСПС, в общежитии гостиницы ВЦСПС «Деловой двор», располагавшейся на площади Ногина. Сразу явился к декану экономического факультета А.Я.Вышинскому (тому самому). Он направил меня к директору института Челяпову. Тот отказал в приеме: поздно. Но ведь я приехал с Дальнего Востока! Все равно – поздно. Пошел в Главпрофобр. Начальником Главпрофобра оказался тот же Челяпов, подтвердивший свой отказ. Пошел в ВЦСПС: ведь в институт меня направили профсоюзы. Заведующий культотделом Сенюшкин, переговорив с Челяповым, холодно сказал: ничем помочь не может.

Опечаленный, шел я по длинному извилистому коридору ВЦСПС, помещавшемуся тогда на Солянке, в здании, описанном впоследствии Ильфом и Петровым. Вдруг натыкаюсь на Кнопинского. Вид мой был достаточно выразительным, и Кнопинский спросил: что случилось? Я рассказал.

– Пойдем-ка со мной, – сказал Кнопинский.

Он привел меня к кабинету М.П.Томского, тогдашнего председателя ВЦСПС и члена Политбюро ЦК РКП(б), приоткрыл дверь, увидел, что у Томского есть посетители, и предложил мне подождать. Несколько минут мы посидели в приемной, а когда Томский освободился, зашли к нему в кабинет. Никто нас не останавливал, не спрашивал, по какому мы делу.

К.Кнопинский представил меня М.П.Томскому как только что приехавшего из Владивостока бывшего секретаря губпрофсовета. Томский, усадив нас, сразу стал расспрашивать меня о Приморье, о положении во Владивостоке при белых, о том, какая там обстановка сейчас, о настроениях рабочих, о кадрах профработников... Я подробно рассказал ему все, что мог. А потом Кнопинский сказал:

– Михаил Павлович, у него есть путевка Дальбюро в Институт народного хозяйства на учебу, но его не принимают, потому что он опоздал. А опоздал потому, что губком не отпускал его с работы...

Тогда никаких экзаменов не было, и путевка от организации была достаточным основанием для зачисления в Вуз. Томский спросил меня, обращался ли я в культотдел ВЦСПС, узнал, что Сенюшкин отказался мне помогать, и велел секретарю вызвать к нему заведующего

культотделом. Когда Сенюшкин явился, он тут же, при нас, резко осудил и его, и Челябинова за бюрократическое отношение к товарищу, приехавшему из недавно освобожденного района, тем более, что причины моего опоздания были безусловно уважительными, и дал указание немедленно зачислить меня в институт.

Сенюшкин, выйдя со мной из кабинета Томского, тут же позвонил Челябинову – и все было сделано. Я поехал в институт, предъявил Челябинову путевку и остальные документы, тот поставил резолюцию – и я стал студентом ИНХ. Только на прощанье Челябинов полюбопытствовал, как я попал к Томскому?

К нему попасть легче, чем к вам или к Сенюшкину, – сказал я, прощаясь.

...Занятия начались. Жил я, как уже сказано, в общежитии гостиницы «Деловой двор». В громадной комнате стояло не менее 60 коек, на которых все время сменялись командированные в Москву периферийные работники. С 6 утра до 12 ночи здесь стоял непрерывный гул. Люди приходили с работы, из театров, музеев, магазинов, ужинали, курили, делились впечатлениями, спорили. Заниматься тут было невозможно, и я занимался в библиотеке, но и отдохнуть было негде.

О своей беде я рассказал бывшему дальневосточнику Николаю Илюхову, с которым встретился в институте. Илюхов рассказал мне, что в Москве, в отдельной квартире живет наш товарищ Александр Слинкин – и дал мне его адрес.

Слинкин, действительно, жил один в квартире нашего общего знакомого, командированного из Москвы во Владивосток. Свою квартиру, забронированную за ним на время командировки, он предоставил Слинкину, пока тот не получит собственного жилья. Как мы с Илюховым и думали, Слинкин предложил мне поселиться с ним, и я с радостью согласился. Правда, дом, в котором жил на первом этаже Слинкин, был достаточно запущен, квартира состояла всего из одной комнаты с небольшой кухней, но я не был избалован. Все меня устраивало: и то, что я избавлялся от общежития, и то, что дом был расположен на Садовом кольце, откуда было удобно ехать в институт, и то, что Слинкин работал – и я целый день мог без помехи заниматься.

Я забрал свои вещи из камеры хранения и переехал к Слинкину. А позже мои квартирные дела устроились совсем хорошо. Я встретился со своим старым приятелем, который работал в Наркомате почт и телеграфов, в отделе учета и распределения кадров. Жил он в том же здании, где размещался наркомат, в одной из коммунальных квартир, отведенных сотрудникам. Приятеля моего, когда я его встретил, мобилизовали на флот, и он предложил мне занять его должность и его комнату со всей обстановкой (и телефоном). Володя повел меня к своему начальству – и мы быстро обо всем договорились. Занятия в институте тогда шли только вечером – и, ради комнаты, я согласился совмещать работу с учебой.

Зачислили меня начальником подотдела учета Наркомата (по-нынешнему заместителем начальника управления кадров; впрочем, тогда, несмотря на наличие безработицы, отдел кадров такого значения, как впоследствии, не имел). Оклад мой был 225 рублей – партмаксимум. Такой оклад получал и я, и нарком, и председатель Совнаркома.

В квартире, кроме меня, жили три семьи: Зискинда, референта наркома Довгалевского, Б.И.Духовного, бывшего начальника управления ФОН, и начальника финансового управления наркомата Раева с женой и дочерью.

Все шло хорошо. Но учеба занимала все больше времени – и я решил уйти с работы. Но в таком случае, как предупредил меня начальник общего управления К.Трофимов, меня, в соответствии с законом, запросто выселили бы из квартиры.

Я пошел к секретарю Московского комитета партии Зеленскому, рассказал ему, что хочу сосредоточиться на учебе и уйти с работы, но мне грозит в таком случае выселение из квартиры. Зеленский позвонил Трофимову – и меня оставили в покое, только сняли у меня теле-

фон. Это было не так уж страшно: у всех моих соседей были телефоны, и я беспрепятственно пользовался ими.

Отдельная комната и свободное время сильно облегчили мои занятия. Моя комната стала местом встреч с товарищами, общих занятий и многочисленных дискуссий по теоретическим вопросам. Отказ от зарплаты меня тоже, в общем, не волновал. Стипендии, от которой я отказался, пока был на службе и которую возобновил, когда со службы ушел, хватало на питание и на покупку необходимых книг. Получив стипендию, я сразу закупал на месяц вперед чай, сахар, масло, сыр и колбасу (хранил я их зимой между рамами окон). Купил примус. Обедал в студенческой столовой, талоны в которую тоже покупал на месяц вперед. Обед стоил дешево, не помню – не то 12, не то 20 копеек. Кроме того, у меня были еще мои золотые монеты, накопленные во Владивостоке. Тратил я их очень сдержанно, бумажные деньги тогда падали очень быстро, и я, обменяв золотую монету в отделении Госбанка, тут же покупал продукты.

По время одной из таких операций я встретил Кнопинского. Разговорились. Узнав, что я меняю золото на бумажные деньги в Госбанке, Кнопинский удивился:

– На «черной бирже» у Ильинских ворот ты получишь в три или четыре раза больше, – сказал он, пожав плечами. – Ты студент, тебе каждая копейка дорога, никто тебя не осудит...

Тут пришла очередь удивляться мне: Кнопинский был членом партии с 1907 года. Но, то ли его авторитет сыграл роль, то ли простое любопытство, на «биржу» я все же пошел. Здесь гудела, кричала, торговалась толпа, непрерывно слышались выкрики спекулянтов: «Беру доллары!», «Беру фунты стерлингов!», «Беру золото!». Спросив одного из них, сколько он даст мне за пятирублевую золотую монету, я услышал сумму, в несколько раз превышавшую официальный курс. Я отдал монету, получил бумажки и уже хотел уходить, как вдруг раздался крик: «Облава!». Действительно, толпу оцепляли милиционеры. Кольцо сжалось – и милиция стала пропускать окруженных по одному, проверяя документы. Дошла очередь до меня. Я показал студенческую книжку и партбилет (паспортов тогда еще не было). На вопрос начальника милиции, как я сюда попал, я соврал, что просто проходил мимо. Меня отпустили – и больше я таких экспериментов не устраивал, хотя бы и по рекомендации старого большевика.

...В институте я все больше сближался с Илюховым. Мы учились в одной группе и дружили почти все годы пребывания в институте. Он часто бывал у меня, а я у него, на Лесной улице, где он жил с женой, тоже бывшей партизанкой, и с дочкой, названной звучащим сейчас странно, а тогда распространенным в нашей среде именем «Идея». Илюхов познакомил меня и со своим старым другом, тоже дальневосточником-партизаном М.Титовым, впоследствии – начальником политотдела Амурской Армии. В ту пору, как мы познакомились, Титов учился в МГУ, на факультете общественных наук и был одно время секретарем партийной ячейки Московского университета.

Что касается парторганизации нашего института, то первое общепартийное собрание, на котором я присутствовал, честно говоря, не могло произвести хорошего впечатления. Партиячейка была большая, на закрытом собрании, происходившем в Плехановской аудитории, присутствовало тысячи полторы человек. Как правило, это были не зеленые юнцы, а участники гражданской войны, бывшие командиры, комиссары, политработники. Но дело разбиралось на собрании не очень красиво.

Шла речь о моральном разложении секретаря партиячейки института Юрисова. Докладывала об этом собранию секретарь Замоскворецкого райкома старая большевичка Самойлова, известная в партии под своей подпольной кличкой «Землячка».

Землячка доложила собранию то, что многие уже знали. Юрисов, живший в общежитии, устраивал в своей комнате так называемые «афинские ночи», участники которых, парни и девушки, раздевались догола. Узнав об этом, Землячка потребовала сообщить ей, когда состоится следующая встреча и, вместе с работниками контрольной комиссии, ворвалась в комнату, где и застала обнаженных студентов и студенток в соответствующих позах.

Землячка потребовала исключить Юрисова из партии. Его, конечно, исключили (и было за что!), но и Землячка не снискала симпатий. Ее вообще не любила молодежь: за сухость, черствость, крутой нрав. Во время собрания слышалось немало выкриков: «Старая ведьма!», «Старая дева!». Претило то, что секретарь райкома шарит по комнатам, подглядывая за личной жизнью студентов.

Секретарем ячейки был избран Бойко-Павлов, тоже бывший дальневосточный партизан. Впрочем, Юрисов, видимо, был все-таки восстановлен: впоследствии он занимал должность начальника Главтекстиля ВСНХ СССР.

Собрание это, как и вообще первые месяцы в Москве, произвело на меня тяжелое впечатление. Предыдущий период моей жизни, когда я стал коммунистом, – подготовка переворота в Нерчинске-Заводском, участие в партизанских отрядах Забайкалья, бои на Хабаровском фронте, подпольная работа во Владивостоке – все это было чисто, было проникнуто горячей верой в партию, в ее идеалы. Там меня окружали люди, готовые каждую минуту умереть за партию. И когда я ступил ногой на московскую землю, где находился штаб мировой революции, я был похож на христианина, пришедшего на святую землю.

А встретился я со многими, носившими звание члена партии, но по существу бюрократами, или равнодушными циниками, или, вот как на этом собрании, с морально разложившимися, как Юрисов и его компания, или с ханжами вроде Землячки, смаковавшей поступки Юрисова. А ведь имя Землячки я читал в истории партии!

Все это не могло не отложиться в моем сознании, не вызвать некоторое разочарование, не поколебать в какой-то степени мою веру в чистоту того движения, которому я посвятил свою жизнь.

Светлой точкой в моей памяти осталось собрание Замоскворецкого партийного актива, состоявшееся в колонном зале нашего института вскоре после моего поступления на учебу. Мне удалось присутствовать на этом собрании и впервые услышать доклад Л.Д.Троцкого. Услышать Ленина и Троцкого было моей давнишней мечтой.

Доклад Троцкого произвел на меня огромное впечатление, и еще большее сам Троцкий и устроенная ему встреча. Это была действительно овация, и длилась она не менее десяти минут. Председательствовавшая Землячка металась за столом, воздевала руки и кричала:

– Товарищи! Дадим мы, наконец, говорить товарищу Троцкому?

– Дадим! Дадим! – кричали ей в ответ собравшиеся и продолжали аплодировать.

Троцкий поднял руку, требуя внимания, но аплодисменты долго не стихали. Это было подлинно стихийное проявление чувств. Помню это и по себе. И по окончании доклада тоже долго гремела буря аплодисментов.

7. Внутрипартийные разногласия

В конце ноября 1923 года началась внутрипартийная дискуссия. Положение в стране было сложное, республика вышла из войны в состоянии разрухи. Почти восемь лет сначала империалистической, потом гражданской войны обессилили, разорили и истощили рабочий класс и крестьянство. Материальная база была подорвана, восстанавливать крупную государственную промышленность, не имея опыта управления, было нелегко. Не хватало и кадров: значительная часть передовых рабочих, потомственных пролетариев во время гражданской войны ушли в красную армию. Многие из них погибли, другие выдвинулись на руководящую работу. На смену им пришла молодежь, преимущественно из деревни, без квалификации и без пролетарских традиций.

Крупная промышленность восстанавливалась туго, медленно. Более поворотливыми оказались в условиях НЭПа мелкая промышленность и розничная торговля, в массе своей находившаяся в руках частных – так называемых «нэпманов». Еще быстрее поднималось мелкое крестьянское хозяйство. Освобожденные от поборов и мобилизации, крестьяне жадно схватились за землю.

И очень скоро командные высоты в деревне стал занимать кулак. Через подставных лиц он проникал в кооперацию, прибирал к рукам мельницы, розничную торговлю, и стал подчинять своему влиянию бедноту и середняков. Роль кулака была неизмеримо большей, чем его удельный вес в деревне.

В капиталистических странах после провала революции 1923 года в Германии наступила полоса относительной стабилизации.

В партии, вследствие длительной болезни Ленина и его продолжительного отсутствия на работе, практическое руководство в ЦК перешло к Сталину и его окружению, которые постепенно повели партию по пути сползания с революционной линии. Настоящего опыта управления государством и хозяйством страны не имели все руководители партии. Единственной верной политикой в этих условиях был бы коллективный поиск путей и решений всех крупных вопросов, встающих перед молодой республикой Советов. А для этого было важно, чтобы в узком коллективе вождей партии, в Политбюро ЦК, была создана атмосфера взаимного доверия и поддержки. Тогда можно было бы путем дискуссий, без оглядки друг на друга, то есть без боязни быть обвиненными в уклоне, свободно подвергать всестороннему анализу и критике все вопросы. При деловой, товарищеской атмосфере Политбюро, в котором были сосредоточены основные политики и теоретики партии, было способно и без Ленина решать вопросы любой сложности. При необходимости можно было привлечь для изучения и подготовки вопросов любое количество мыслящих людей, которыми тогда была исключительно богата партия.

Это был еще такой период, когда решался вопрос о дальнейшей судьбе партии. При правильной политике Троцкого партия могла еще выправить свою линию и остаться в руках ее революционных элементов.

Однако Троцкий не понял уникальности и неповторимости обстановки, сложившейся в партии накануне XII съезда.

В своей книге «Моя жизнь», изданной за границей, Л.Д.Троцкий писал:

"Ленин вызывал меня к себе в Кремль, говорил об ужасающем росте бюрократизма у нас в советском аппарате и о необходимости найти рычаг, чтобы как следует подойти к этому вопросу. Он предлагал специальную комиссию при ЦК и приглашал меня к активному участию в работе.

Я ответил ему. По моему убеждению, сейчас в борьбе с бюрократизмом советского аппарата нельзя забывать, что как на местах, так и в центре создается особый подбор чиновников и спецов, партийных и беспартийных, вокруг известных партийных руководящих лиц в губер-

нии, в районе, в центре, то есть в ЦК. Нажимаешь на чиновника, натыкаешься на партийца, в свите которого спец состоит, и при нынешнем положении я на себя такой работы не мог бы взять...

Чуть подумав, Ленин поставил вопрос ребром:

– Вы, значит, предлагаете открыть борьбу не только против государственного бюрократизма, но и против Оргбюро ЦК?

Я рассмеялся от неожиданности. Оргбюро ЦК означало самое средоточие сталинского аппарата.

Пожалуй, выходит так.

Ну что ж, – продолжал Ленин, явно довольный тем, что мы назвали по имени существо вопроса, – я предлагаю вам блок против бюрократизма вообще, против Оргбюро в частности.

С хорошим человеком лестно заключить блок, – ответил я.

Мы условились встретиться снова. Ленин предлагал обдумать организационную сторону дела. Он намечал создание комиссии ЦК, мы оба должны были войти туда. По существу, эта комиссия должна была стать рычагом разрушения сталинской фракции... для создания таких условий в партии, которые дали бы мне возможность стать заместителем Ленина, по его мысли преемником на посту председателя Совнаркома. /.../ Совместное наше выступление против Оргбюро ЦК в начале 1923 года обеспечивало бы победу наверняка. Более того, я не сомневаюсь, что если бы я выступил накануне XII съезда в духе «блока Ленина-Троцкого» против сталинского бюрократизма, я одержал бы победу и без прямого участия Ленина в борьбе".

Но как раз вскоре после этой беседы у Ленина произошел вторичный инсульт, и Владимир Ильич больше уже к работе не возвращался. Троцкий понимал, что время не терпит, что с каждым днем «тройка» все дальше и дальше отодвигает его от активного участия в делах партии. Тем не менее он не сделал правильных выводов из ситуации и не выступил активно от своего и Ленина имени против сталинской фракции. Отвечая на обвинения его в пассивности, Троцкий в статье «Почему Сталин победил оппозицию», помещенной в «Бюллетене» №... от декабря 1935 года, писал:

«...Те мудрецы, которые задним числом (хотя были в 1922 году тоже такие мудрецы, которые настаивали на открытом выступлении Троцкого) обвиняют нас в том, что мы, вследствие нерешительности, упустили власть...они думают, что есть какие-то особые технические секреты, при помощи которых можно завоевать или удержать революционную власть независимо от действия величайших объективных факторов побед или поражений революции на Западе и Востоке, подъема или упадка массового движения в стране, и прочее. Власть не есть приз, который достается более „ловкому“. Власть есть отношение между людьми, в последнем счете между классами. Правильное руководство, как уже сказано, является важным рычагом успехов. Но это вовсе не значит, что руководство может обеспечить победу при всяких условиях. Решает в конце концов борьба классов и те внутренние сдвиги, которые происходят внутри борющихся масс».

Между опубликованием произведений Троцкого, из которых взяты первая и вторая цитаты, прошло около шести лет. Взгляды его за это время, как мы видим, коренным образом изменились. Если в 1929 году в книге «Моя жизнь» он считал, что его выступление в 1922 году от имени Ленина и его собственного безусловно обеспечивало победу, то в 1935 году он уже ссылается на непреодолимые объективные условия.

«Значит, победа Сталина была неотвратима, значит, борьба левой оппозиции была безнадежна? – спрашивает он, и тут же отвечает: – ... Такая постановка абстрактна, схематична, фаталистична. Ход борьбы показал несомненно, что одержать полную победу в СССР, т. е. завоевать власть и выжечь язву бюрократизма большевики-ленинцы не смогли и не смогут без поддержки мировой революции».

Коренная ошибка Троцкого и руководящей головки оппозиции состояла в том, что они упустили время. То единственное, отведенное для них историей время, когда они, в порядке подготовки к XII съезду могли дать правильное направление политике партии и исправить ошибки Сталина по организационному и национальному вопросам – ошибки, на исправлении которых в своих письмах к съезду настаивал Ленин.

Неверно представлял себе Троцкий роль Сталина в партии в тот период, когда писал:

«Инициатива борьбы против левой оппозиции принадлежала собственно не Сталину, а Зиновьеву. Сталин сперва колебался и выжидал. Было бы ошибкой думать, что Сталин с самого начала наметил какой-либо стратегический план. Он нащупывал почву. Несомненно, что революционная марксистская опека тяготила его. Он фактически искал более простой, более национальной, более надежной политики».

Здесь ошибочные мысли Троцкого переплетаются с его прозорливыми догадками.

Сталин, став генсеком, с самого начала наметил линию, которую он проводил методически, с железной последовательностью (конечно, поскольку позволяли обстоятельства). Борьбу он вел, разумеется, не в безвоздушном пространстве, а при сопротивлении других членов Политбюро, но истинные свои намерения при этом скрывал, иначе все вожди партии объединились бы против него. Зиновьеву он предоставил эфемерную власть, внешне выразившуюся в том, что Зиновьеву было поручено сделать съезду политический отчет ЦК, который обычно делал Ленин. Поскольку Сталин оставил за собой два главных вопроса организационный и национальный, определявшие дальнейшую судьбу партии, временный «триумф» Зиновьева ему ничем не грозил.

Единственное, чего боялся и чего не хотел допустить Сталин, это открытых разногласий и дискуссий перед – и особенно – на XII съезде партии. Они были невыгодны ему по следующим причинам:

1. Массы членов партии хорошо знали имена Троцкого, Зиновьева, Каменева, Бухарина – и почти совсем не знали Сталина. Он опасался, что, если начнутся споры, большинство партии поддержит Троцкого, который, после Ленина, был самым популярным в партии человеком.

2. К моменту съезда Сталин еще не успел полностью укомплектовать обкомы и губкомы партии своими людьми. Эта работа, хотя и проводилась им интенсивно, закончилась только после XII съезда, что заставило спохватиться Зиновьева и Каменева, настаивавших на перестройке рабочих органов ЦК.

3. В составе Центрального Комитета партии тоже не были еще проведены такие изменения, которые обеспечили бы Сталину большинство. Ленин, как известно, настаивал на таком формировании ЦК, чтобы большинство в нем составляли не чиновники, а рабочие. Троцкий даже не обратил внимания на это предложение Ленина. А Сталин, сознавая, как опасен был бы для него такой ЦК, хотел добиться и добился противоположного: расширения ЦК за счет верных ему, Сталину, аппаратчиков.

4. Чтобы обеспечить свое господство в ЦК и поворот партии от интернационализма к национализму, Сталину было необходимо не допустить обсуждения перед съездом и на съезде так называемого «Завещания Ленина» и его письма к съезду под названием: «К вопросу о национальностях и об автономизации» и не допустить выступлений Троцкого по организационному и национальному вопросам. Сталину удалось и то, и другое. Он добился от пленума ЦК, во-первых, назначения Сталина докладчиком по обоим волновавшим партию вопросам и, во-вторых, перед лицом болезни Ленина, не выносить разногласия на съездовские партийные собрания, конференции и на самый съезд.

Так ловко разыграл Сталин игру, которая дала ему в руки победу и предопределила поражение всех остальных членов Политбюро. Сталин сумел сформировать такой Центральный Комитет, который стал послушным орудием задуманного им стратегического плана.

Неспособность Троцкого решиться на открытую борьбу против «тройки» и поддерживавшего ее Центрального Комитета привели к тому, что партия была отброшена от ее революционных традиций на путь бюрократического перерождения.

Как показывает анализ исторических фактов, многие расхождения в Политбюро создавались Сталиным искусственно. Он был большим мастером придирается к случайной обмолвке, оброненному невзначай слову, не до конца продуманной фразе. В созданной генсеком обстановке каждая обмолвка раздувалась до принципиальных разногласий.

Кто должен был создать здоровую, товарищескую атмосферу в Политбюро? Казалось бы, генеральный секретарь, задача которого заключалась в сглаживании, а не в обострении расхождений. Но Сталин этого-то и не делал. Он постоянно плел паутину интриг, с большим искусством настраивая лидеров партии друг против друга. В отношениях между ними появилась напряженность. Стали создаваться группировки, из которых главной была группа «трех» в составе Сталина, Зиновьева и Каменева, которая по существу возглавила политическую борьбу против Троцкого. Разногласия по принципиальным вопросам (внутрипартийный режим, монополия внешней торговли, национальный вопрос, отношения между городом и деревней, политика цен и т. п.) перерастали во внутрипартийную борьбу. А ЦК запретил выносить эту борьбу, эти разногласия на съезд.

Зиновьев в Политическом отчете ЦК XII съезду, Каменев – в прениях по этому отчету выступили с предложениями ужесточить внутрипартийный режим. «Мы с вами, товарищи, должны знать следующее, – заявил Каменев, – всякая критика партийной линии, хотя бы так называемая „левая“, является ныне объективно меньшевистской критикой». (XII съезд РКП(б), стенографический отчет, стр. 46–47).

Троцкий был не согласен с такой позицией Зиновьева. Однако он промолчал, исходя из того, что Политбюро приняло решение разногласий на съезд не выносить.

Все же выступления против Зиновьева на съезде были. Так, против Зиновьева выступил один из руководящих работников партии Владимир Коссиор. Зиновьев и Каменев с одной стороны и В.Коссиор – с другой обосновали на XII съезде партии две линии, которые легли в основу борьбы между большинством и меньшинством партии во весь последующий исторический период.

Именно концепцией, изложенной Зиновьевым на XII съезде партии в его высказываниях по внутрипартийному вопросу, руководился в дальнейшем сталинский ЦК в своей борьбе с оппозиционными течениями. Согласно этой концепции, всякая критика партийной линии является объективно меньшевистской и опасной для диктатуры пролетариата. Это заранее накладывало запрет на всякую критику, отстраняло массы от активного участия во внутрипартийной жизни и, прежде всего, отстраняло от этого участия передовые элементы партии. Таким образом, круг членов партии, непосредственно принимавший участие в ее повседневной жизни, резко сужался.

Владимир Коссиор предупреждал партию об опасности такой политики. Если число членов партии, допущенных к критике партийной линии, будет все больше сокращаться, – говорил он, – то неизбежно наступит такой момент, когда партией и страной будет управлять небольшая горстка людей. И это действительно будет опасно, ибо дела партии и страны будут решаться за спиной партии узкой группой лиц, повлиять на которых партия будет бессильна. В этом случае всякие изменения в политике партии будут зависеть от изменений в этой верхушке. А это неизбежно лишит весь наш строй устойчивости и может привести к переменам, неожиданным для партии и опасным для социализма. В этом же выступлении Коссиор сообщил съезду о фактическом отстранении из групповых соображений Троцкого от политического руководства.

Из речей, произнесенных на XII съезде Зиновьевым, Сталиным, Коссиором, уже было ясно, что в ЦК имеются разногласия между Троцким и большинством Политбюро. То, что эти разногласия было решено не выносить на съезд, не могло скрыть самого факта существова-

ния таких разногласий. Достаточно ясна была и тенденция руководящей верхушки запугивать будущую оппозицию планируемыми против нее репрессиями.

Как мы уже писали, Троцкий допустил крупную политическую ошибку, заняв рыцарскую позицию в отношении борьбы за руководство и упустив тем самым благоприятный момент для разгрома своих противников. Ленин бы этого, конечно, никогда не сделал. Троцкий же, еще до съезда выступивший против претензии кого-либо из лидеров партии на роль вождя, не поддержал даже выступившего на съезде в его защиту Коссиора.

Троцкий поступил как человек, не искушенный в интригах, недооценивший прожженного интригана Сталина. Поэтому он точно выполнил решение Политбюро и потерял возможность своим авторитетным вмешательством повлиять на решения съезда о внутрипартийной демократии, о формировании руководящих органов партии и по национальному вопросу, по которым Ленин предлагал ему блок.

После всего сказанного нелишне будет отметить, сколь опрометчивы и необоснованны суждения по этому вопросу историка Р.А.Медведева в его книге «К суду истории». Рассматривая перипетии внутрипартийной борьбы в 1922–1923 годах, Р.Медведев пишет: «XII съезд партии прошел без больших споров, во всяком случае между членами Политбюро. Однако уже через несколько месяцев после съезда Л.Д.Троцкий, бывший тогда одним из наиболее популярных руководителей партии, выступил со своей особой платформой (и с плохо скрытой претензией на руководство партией).» (Р.А. Медведев, «К суду истории», стр. 76).

Медведев даже не дал себе труда как-то обосновать это свое утверждение. А между тем, как это видно из приведенных мною фактов, именно Л.Д.Троцкий, а не кто-либо другой, возражал против того, чтобы на XII съезде кто-либо заменил Ленина как докладчик по Политическому отчету ЦК.

Неверно, что на XII съезде не было еще разногласий, они были скрыты – и именно внутри Политбюро. Медведев прошел мимо одного из самых важных моментов истории партии, мимо XII съезда. Как раз там, под покровом внешнего благополучия, историк должен был обнаружить скрытую борьбу, ход которой предопределил успех Сталина и поражение Троцкого.

Беда Л.Д.Троцкого состояла не в том, что он выступил с плохо скрытой претензией на руководство партией, а в том, что он не выступил с такой претензией своевременно. Перед лицом противников, не стеснявшихся никакими средствами, Троцкий показал себя Дон-Кихотом, и именно в этом обвиняли его такие единомышленники, как Пятаков, Иоффе и другие. Он стремился убедить своих противников – этих насквозь прожженных политиканов – что Ленина никто заменить не может, что только коллективное руководство может заполнить вакуум, образовавшийся в ЦК после вынужденного отхода Ленина от руководства. Прочтите ту часть его заключительного слова по докладу о промышленности, где он говорит о выступлении Коссиора, и вы поймете, что перед вами типичный Дон-Кихот.

Не так вел себя его основной противник Сталин. Он не тратил время на бесплодные дискуссии. Ему удалось провести свою линию по организационному и национальному вопросам, изолировать Троцкого от большой политики и в то же время удержать его от полемического выступления на XII съезде в невыгодное для Сталина время, когда организационное окружение Троцкого еще не было завершено.

Конечно, все это свидетельствует о том, что Сталин был не только ловким и бессовестным интриганом, но и опытным политиком. И это свидетельствует также о том, что Троцкий, при всех его выдающихся способностях, был недостаточно опытным тактиком и недостаточно решительным и целеустремленным политиком. К тому же он находился под гипнозом навязанного ему понимания «единства партии».

Зная все, что произошло вслед за XII съездом партии, Медведев как историк не имел никаких оснований повторять ложную сталинскую версию о претензиях Троцкого на руководство. Нельзя не видеть в этой версии обычный для Сталина отвлекающий маневр: ведь это он

сам питал такие претензии и осуществил их железной рукой, через горы трупов своих бывших товарищей.

Л.Д. Троцкий вместе с В.И. Лениным были самыми популярными из вождей партии – не только в партии, но и в народе. Недаром Демьян Бедный писал в годы гражданской войны:

Ленин-Троцкий – наша двойка.
Вот попробуй-ка, покрой-ка!
Где ж твоя, Деникин, прыть?
Нашей двойки нечем крыть.

Разумеется, Троцкий, как и любой политический деятель такого масштаба, стремился к руководству. Это естественно, ибо только таким путем подлинный вождь может осуществить свою политическую линию. Видеть в этом какие-то карьеристские стремления может только обыватель (так меньшевики в свое время увидели в стремлении Ленина к руководству наклонности к личному диктаторству). Но Р.А. Медведев придает этим стремлениям Троцкого именно карьеристский оттенок. Это совершенно бездоказательно и полностью противоречит всему последующему ходу борьбы Троцкого против Сталина.

В июле и августе 1923 года в ряде районов страны, в частности в Москве, Харькове и Сормове, прокатилась волна забастовок, которые сигнализировали об ослаблении связей партии с рабочим классом.

В начале октября Троцкий направил в ЦК письмо, в котором говорил о бюрократическом омертвлении аппарата и о необходимости внутрипартийных перемен.

Почти одновременно в ЦК поступило так называемое «заявление 46-ти» коллективное письмо группы видных членов партии, в котором ставились почти те же вопросы – о необходимости пересмотреть внутрипартийную политику и об ошибках ЦК в экономической области.

И Троцкий, и группа 46-ти выдвигали сходные предложения:

вовлечь в активную работу партийную периферию, которая из передаточного механизма от высших партийных органов к массам должна превратиться в среду, вырабатывающую партийное общественное мнение;

обеспечить свободу внутрипартийных дискуссий и контроль работы руководящих органов партийными массами путем отчетности перед ними;

ликвидировать практику «назначенчества», т. е. отменить систему подбора кадров по принципу послушания.

Большинство ЦК и прежде всего существовавшая в Политбюро фракционная «тройка» Сталина, Зиновьева и Каменева, встретила эти предложения в штыки. В ноябре 1931 г., в № 31 издававшегося за границей «Бюллетеня» Л.Д. Троцкий писал: «В 1923 году Зиновьев и Каменев открыли кампанию против Троцкого. В начале борьбы они очень слабо отдавали себе отчет в ее последствиях, что свидетельствовало, конечно, об их политической дальновидности». Это ироническое замечание могло быть отнесено не только к Зиновьеву и Каменеву, но и к самому Троцкому. Видимо, не только в 1923, но и в 1931 году он не понимал еще, что главным организатором нападения был не Зиновьев, не Каменев, а стоящий за ними Сталин.

«Роль Сталина в этой борьбе, – писал там же Троцкий, – имела гораздо более органический характер. Дух мелкобуржуазного провинциализма, отсутствие теоретической подготовки, незнакомство с Европой, узость горизонта, – вот что характеризовало Сталина, несмотря на его большевизм».

Все это верно, и все-таки Троцкий не знал, с каким противником он имеет дело. Да и никто из членов ЦК внутренней сущности Сталина не понимал. Никто из них, в том числе и Троцкий, не мог подумать, что Сталин ведет борьбу не за большевизм (правильно или ложно понятый), а просто-напросто за свою личную, безграничную власть. «Его враждебность

к „троцкизму“, – писал дальше Троцкий, – имела гораздо более глубокие корни, чем у Зиновьева и Каменева, и давно искала политического выражения...»

Троцкий ищет классовых корней, теоретических обоснований, а Сталин был враждебен не к «троцкизму», а лично к Троцкому – человеку, который преграждал ему путь к личной неограниченной власти.

«Борьба большинства Политбюро против Троцкого, начавшаяся в значительной мере как личный заговор, уже очень скоро развернула свое политическое содержание. Оно не было ни простым, ни однородным».

Это правильно только в том смысле, что Зиновьев боролся за захват власти, чтобы провести большевистскую программу, как он ее понимал; Сталин же боролся за власть как такую и использовал для этого одних вождей партии против других с таким расчетом, чтобы в конечном счете избавиться от всех их. Этого тогда, к сожалению, не понимали все члены Политбюро.

«Левая оппозиция, – писал дальше Троцкий, – включала в себя, вокруг авторитетного большевистского ядра, многих организаторов Октябрьского переворота, боевиков гражданской войны, значительный слой марксистов из учащейся молодежи. Но за этим авангардом тянулся на первых порах хвост всяких недовольных, неприспособленных, вплоть до обиженных карьеристов. Только тяжкий путь дальнейшей борьбы постепенно освободил оппозицию от ее случайных и непрошенных попутчиков».

«Под знаменем „тройки“ – Зиновьев, Каменев, Сталин – объединились не только многие „старые большевики“, которых Ленин предлагал еще в апреле 1917 года „сдать в архив“, но и многие серьезные подпольщики, крепкие организаторы партии, искренне поверившие, что надвигается опасность смены ленинизма троцкизмом.»

Такова была расстановка сил в руководящем ядре партии к началу дискуссии 1923 года. И таковы были идейные позиции сторон, участвовавших во внутрипартийной борьбе.

На первом дискуссионном собрании в институте, в ноябре 1923 года, с докладом выступил В.М. Молотов, с содокладом – Е.А.Преображенский. В прениях выступало несколько десятков студентов-партийцев.

Я приехал с Дальнего Востока, где совсем недавно закончилась гражданская война, и понятия не имел о разногласиях внутри ЦК и в партии. Когда же на институтском партийном собрании выступил Преображенский, его исключительно яркая и искренняя речь произвела на меня огромное впечатление. Чувствовалось, что его устами говорит сама истина – и о бюрократизме аппарата, и о зажиме внутрипартийной демократии, и о многом другом. Да и я уже кое-что повидал в Москве, прошел через мытарства, связанные с поступлением в институт, видел разложившихся партийцев, сталкивался с самодовольством руководящих работников... Словом, я выступил в прениях и рассказал о том, что я мечтал увидеть в Москве, которую всегда представлял себе как идейный центр мировой социалистической революции, и что увидел на самом деле. Я поддержал Преображенского, открыто говорившего о недугах, которыми болеет партия.

Горячая дискуссия длилась несколько дней. В конце концов партийное собрание подавляющим большинством голосов проголосовало за резолюцию, предложенную Е.А.Преображенским. Делегатов на конференцию Замоскворецкого района собрание избрало из числа сторонников оппозиции.

Большинство наших студентов-коммунистов пришли в институт из Красной армии, где авторитет Троцкого был исключительно высок. Впрочем, за позицию Троцкого голосовала не только наша партиячейка. В «Правде» от 13 января 1923 года, в отчете секретаря МК РКП(б) на Московской партконференции приведены данные о количестве ячеек и голосов, поданных за большинство ЦК и за оппозицию. По этим данным за оппозицию голосовало 67 рабочих ячеек с 2223 голосами, за ЦК – 346 ячеек с 9843 голосами. В вузах же картина была противополож-

ная: за оппозицию проголосовало 40 ячеек и 6594 члена партии, за ЦК – 32 ячейки и 2790 членов партии. 18 января в «Правде» же напечатано, что на районных партконференциях за оппозицию было подано 36 % голосов.

Цифры я, конечно, взял из подшивки, как их упомянуть. Но память хорошо сохранила, что в 1923 году большинство коммунистов-учащихся и военных голосовало за оппозицию. И что касается Замоскворецкой и Хамовнической районных партконференций, то и там большинство голосовало за Троцкого.

После выступления с трибуны собрания я познакомился с сидящим рядом преподавателем института Тер-Ваганяном. Домой мы шли вместе: мой товарищ Арсен Оганесов, Тер-Ваганян и я. Я узнал, что Тер-Ваганян – старый большевик, что он написал книгу о Г.В. Плеханове и что он – горячий сторонник Троцкого.

Тер-Ваганян рассказал мне многое, чего я не знал. О том, кто из руководящих деятелей партии разделяет взгляды Троцкого. О расстановке сил в ЦК к моменту начала дискуссии. О завещании Ленина, в котором Владимир Ильич требует снятия Сталина с поста генсека. О том, что борьбу против Троцкого возглавляет Сталин, у которого с Троцким старые счеты, а поддерживают Сталина Зиновьев и Каменев. И еще многое.

После рассказов и разъяснений Тер-Ваганяна я стал смотреть на разногласия в партии серьезнее и постепенно стал уже не случайным, а сознательным противником линии большинства ЦК. Однако ни в какой фракции я не состоял и никакой фракционной работы не вел. И вообще, как мне помнится, тогда, в 1923–1924 гг., никакой фракционной организации у оппозиции не было.

Тер-Ваганян считал, что Троцкий напрасно без сопротивления позволил своим противникам отстранить себя от руководства. Таково было настроение многих сторонников Троцкого. Пятаков, Преображенский, Белобородов, Раковский, И.Н.Смирнов, Н.И.Муралов, В.Коссиор были недовольны также тем, что Троцкий уклонился от прямого участия в дискуссии, в то время как его личное участие – особенно в рабочих и военных ячейках – могло иметь решающее значение для результатов голосования. Троцкий же считал, что всякое обострение борьбы, связанное с его личным участием в дискуссии, может привести к расколу партии, и он не хотел быть в этом виноватым.

Под давлением оппозиции Политбюро пошло на уступки. Была создана комиссия из Троцкого, Сталина и Каменева, разработавшая проект резолюции «О партстроительстве». Пятого декабря 1923 года Политбюро утвердило эту резолюцию, в которой провозглашался новый курс партии на рабочую демократию. В резолюции отражались все основные требования оппозиции об изменении режима партии, те требования, против которых на XII съезде выступали Зиновьев и Каменев, а в дискуссии – большинство ЦК, настаивавшее на запрещении всякой критики линии ЦК. Четырнадцатого декабря 1923 года было опубликовано подписанное Сталиным Обращение ЦК РКП(б) ко всем парторганизациям, в котором говорилось: «ЦК признал своевременным углубление и расширение рабочей демократии в области внутрипартийного строительства... ЦК считает, что обсуждение резолюции ЦК должно захватить всю массу членов партии во всех уголках СССР».

Начался второй тур дискуссии, который был разрешен приведенным выше Обращением. С разъяснением резолюции Политбюро на активах и на партийных собраниях выступали все члены Политбюро, кроме Троцкого. Он был болен и потому обратился «к партийным совещаниям» с письмом, которое вошло в историю, как «Новый курс».

Письмо Троцкого было построено на резолюции Политбюро от 5 декабря и полностью соответствовало духу этой резолюции. В нем говорилось:

«Новый курс, провозглашенный в резолюции ЦК, в том и состоит, что центр тяжести, неправильно передвинутый при старом курсе в сторону аппарата, должен быть передвинут в сторону активности, критической самодеятельности, самоуправления партии как организован-

ного авангарда пролетариата. Новый курс вовсе не значит, что на партийный аппарат возлагается задача в такой-то срок декретировать, создать или установить режим демократии. Нет, осуществить этот режим может сама партия. Коротко задачу можно формулировать так: партия должна подчинить себе свой аппарат, ни на минуту не переставая быть централизованной организацией».

Хотя разъяснения Л.Д. Троцкого полностью соответствовали духу принятых ЦК решений, большинство членов Политбюро по существу не хотело дать ход резолюции от 5 декабря, не хотело проводить новый курс в жизнь. Да и немислимо было, чтобы аппарат – и прежде всего верхи аппарата во главе со Сталиным – добровольно сдал свои позиции и передал инициативу в руки самостоятельных масс. Принятая под давлением оппозиции резолюция для большинства ЦК являлась лишь дипломатическим прикрытием его жесткой внутрипартийной политики. Поэтому всякое истинно демократическое толкование ее вызывало бешенство аппаратчиков. Толкование резолюции Троцким не могло не вызвать такой реакции.

Понять это нетрудно, если вспомнить, как совсем недавно всемогущий аппарат ЦК КПСС реагировал на попытку братской Чехословацкой партии освободиться из-под его власти и взять инициативу в свои собственные руки.

Критика Л.Д. Троцким старых большевиков, управлявших партией, служила целям исправления ошибок старшего поколения, увлекшегося административной стороной дела и забывшего о самостоятельности партии.

Лицемерная защита Сталиным и Зиновьевым старой гвардии преследовала цель сыграть на их чванливом отношении к Троцкому как к «чужому» в партии, доказать, что он поэтому заинтересован в том, чтобы натравить молодых членов партии на старых.

Письмо Троцкого по своему содержанию ничем не отличалось от резолюции 5 декабря. Примеры, поясняющие существо вопроса о рабочей демократии, были яркими, острыми и запоминающимися, но они только иллюстрировали основные принципиальные положения резолюции. То, что этот материал, сухо изложенный в официальном документе, заговорил в письме Л.Д. Троцкого сильно, ярко и убедительно, свидетельствовало только о таланте автора.

Почему понадобилось так остро реагировать на письмо Троцкого, если ЦК действительно искренне решил осуществить свою резолюцию? Даже если бы в письме Троцкого действительно было бы какое-то отклонение от резолюции – в сторону ли большего ударения на демократию, в сторону ли критики старого курса, стоило ли поднимать такой вопль против этого письма, если бы ЦК в самом деле считал старый курс вредным и понимал жизненную необходимость перестройки.

В том-то и дело, что, соглашаясь принять резолюцию от 5 декабря, Сталин и Зиновьев просто маневрировали, чтобы успокоить партию. На самом деле эта резолюция была забыта на другой день после окончания районных партийных конференций. Зиновьев и Каменев почувствовали это на своем горбу после XIII съезда, когда они уже оказались не нужны своему временному союзнику Сталину.

В ходе дискуссии Троцкого особенно сильно обвиняли за то, что он в своем письме противопоставляет молодых членов партии старым и пишет о перерождении старых большевиков. Отвечая на первое обвинение, Троцкий писал:

«Именно „штиль“ заключал в себе опасность возрастающей отчужденности между руководящим слоем партии и более молодыми ее членами. Тенденция партийного аппарата думать и решать за партию ведет в своем развитии к стремлению укрепить авторитет руководящих кругов только на традиции... Поскольку революционно сохранившиеся, не оказавшиеся представителями старого поколения, т. е., как мы твердо уверены, подавляющее его большинство, отдадут себе ясный отчет относительно охарактеризованной выше опасной перспективы и, став на почву резолюции Политбюро ЦК, приложат все усилия к тому, чтобы помочь партии

претворить резолюцию в жизнь, постольку исчезнет главный источник возможного противопоставления разных поколений в партии».

Анализ, данный Троцким 50 лет назад, подтвердился за прошедший период многочисленными фактами. Сталин, игравший на самолюбии старых большевиков, использовавший их влияние в партии против Троцкого, вскоре после победы над своими идейными противниками почти поголовно уничтожил старых членов партии, заменив их в аппарате членами партии призыва тридцатых годов.

Отвечая на второе обвинение, Л.Д. Троцкий писал:

«Можно еще, пожалуй, возразить, что приведенная ссылка на аппаратное перерождение социал-демократии неправильна ввиду глубокого различия эпох: тогдашней застойно-реформистской и нынешней революционной. Разумеется, пример есть только пример, а никак не тождество. Однако же это огульное противопоставление эпох само по себе еще ничего не решает. Недаром же мы указываем на опасности НЭПа, тесно связанные с затяжным характером международной революции. Повседневная государственно-практическая работа, все более детализованная и специализированная, таит в себе, как указано в резолюции ЦК, опасности сужения горизонта, т. е. оппортунистического перерождения, совершенно очевидно, что эти опасности становятся тем более серьезными, чем более партийное руководство заменяется замкнутым секретарским командованием. Мы были бы плохими революционерами, если бы надеялись на то, что со всеми трудностями, и прежде всего с внутренними, нам поможет справиться „революционный характер эпохи“. Надо как следует помочь „эпохе“ правильным осуществлением нового партийного курса, единогласно провозглашенного Политбюро ЦК».

Говоря о роли молодежи, Л.Д. Троцкий писал в «Новом курсе»:

«Совершенно недостаточно, чтобы молодежь повторяла наши формулы. Нужно, чтобы молодежь брала революционные формулы с боем, претворяла их в плоть и кровь, вырабатывала бы себе собственное мнение, собственное лицо и была бы способна бороться за собственное мнение с тем мужеством, которое дается искренней убежденностью и независимостью характера... Пассивное послушание, механическое равнение по начальству, безличность, прислужничество, карьеризм – из партии вон! Большевик есть не только человек дисциплины – нет, это человек, который, глубоко сверяя, вырабатывает в себе, в каждом данном случае твердое мнение, мужественно и независимо отстаивает его не только в бою против врагов, но и внутри собственной организации. Он сегодня остается в своей организации в меньшинстве. Он подчиняется, потому что это его партия. Но это, разумеется, не всегда значит, что он не прав. Он может быть, только ранее других увидел или понял новую задачу или необходимость поворота. Он настойчиво поднимает вопрос и второй раз, и третий, и десятый. Этим он оказывает услугу партии, помогая ей встретить во всеоружии новую задачу или совершить необходимый поворот без организационных потрясений и фракционных конвульсий».

Молодежь, воспитанная на таких принципах, которые ей проповедовал Л.Д. Троцкий, разве допустила бы такое перерождение партии, которое произошло в эпоху сталинского правления. Мы, молодые члены партии, пошли тогда за Троцким потому, что он лучше и ярче всех выразил наши идеалы и наши представления о социализме, нашу ненависть к бюрократизму и карьеризму, наше отвращение к прислужничеству, послушанию и равнению на начальство.

Теперь, когда мы прошли через все, что случилось за более чем пятьдесят лет, когда партийная элита разоблачена на XX и XXII съездах партии, когда всем известны имена таких перерожденцев, как Сталин, Молотов, Каганович, Ворошилов, Маленков, Микоян и другие, – спор об опасности перерождения кадров решен. Правота оппозиции в этом споре теперь уже не может вызывать сомнение.

По поводу критики его положений об опасности аппаратного перерождения Троцкий писал в «Новом курсе»:

«Такие процессы развиваются медленно и почти незаметно, а обнаруживаются сразу. Усматривать в этом предостережении, опирающемся на объективное марксистское предвидение, какое-то „оскорбление“, „покушение“ и прочее можно только при болезненной бюрократической мнительности и аппаратном высокомерии».

Старые большевики из числа руководителей, такие как Сталин, Зиновьев, Каменев, Бухарин, Рыков, Томский, Молотов и многие другие страдали этим пороком, были заражены большевистским чванством и кичились своим незапятнанным большевистским прошлым.

Часто можно было прочесть и услышать, что борьба Троцкого за демократические реформы в партии являлась-де не более чем маневром. Об этом много говорили и писали во время внутрипартийных дискуссий 1923–1924 и 1926–1927 годов, писали и пишут до сих пор официальные историки КПСС. Пишет об этом и Р.А. Медведев. Для доказательства обычно используется позиция, которую занимал Троцкий в период гражданской войны и его предложения насчет «перетряхивания» профсоюзов.

Наряду с этим во всех книгах и учебниках, изданных в сталинские времена, упоминается об ошибках Троцкого по вопросу об организационном строении партии. Известно, что вплоть до Февральской революции Троцкий был противником принципа демократического централизма, который лежал в основе стратегии большевистской партии, и все официальные историки партии, и Р. Медведев ссылаются на упомянуты выше «ошибки» Троцкого, однако не пытаются рассмотреть и проанализировать их.

Ни Ленин, ни Троцкий не придавали демократии самодовлеющего значения, а исходили в этом вопросе из интересов партии и революции. Правы ли они были в этом вопросе, об этом я скажу позже. Здесь я хочу только подчеркнуть, что внутрипартийную демократию Троцкий всегда считал важнейшим фактором революционного развития партии.

В разгар дискуссии 1923 года официальные докладчики ЦК обвинили оппозицию в меньшевистском уклоне. Это полностью соответствовало заявлению Зиновьева, объявившего в своем докладе XII съезду меньшевистской всякую критику ЦК.

На XIII партконференции Е.А. Преображенский сказал, что резолюцией от 5 декабря исчерпываются все требования оппозиции по вопросам внутрипартийной демократии. Сталин тогда подал с места реплику: «После издания этой резолюции почти никаких расхождений с оппозицией не осталось».

Тем не менее на той же XIII конференции большинство ЦК продолжало обвинять оппозицию в меньшевистском уклоне.

Выступавший после Преображенского делегат Врачев говорил: "ЦК установил такой внутрипартийный режим, при котором нельзя даже было быть правильно осведомленным о мнении партии. Тут уже говорилось, товарищи, о тех методах борьбы с оппозицией, которые сейчас вошли в практику и которые, по-моему, трудно сочетать с тем курсом на рабочую демократию, за которую сейчас все так распинаются. Сегодня, когда выступал т. Преображенский и задал вопрос, в чем же разногласия, тов. Сталин ему с места ответил: разногласий у нас почти не осталось.

Сталин (с места): Тогда не оставалось.

Врачев: Так в чем же дело? Нет разногласий, а почему же вы обвиняете оппозицию в уклоне к меньшевизму, к оппортунизму? Почему же вы так травите отдельных, наиболее ярких представителей этой оппозиции?"

Получалось парадоксальное положение. Оппозиция предложила изменить курс партии в сторону усиления рабочей демократии. Большинство ЦК за это обвинило оппозицию в уклоне к меньшевизму. Затем Политбюро пересмотрело свою политику и приняло 5 декабря резолюцию, полностью соответствующую требованиям оппозиции. И тут же, на XIII партконференции ЦК предлагает резолюцию, вновь обвиняющую оппозицию в уклоне к меньшевизму.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.